

Ассасины

Автор:

Виталий Гладкий

Ассасины

Виталий Дмитриевич Гладкий

Серия исторических романов

Заканчивается XII век. Войска крестоносцев пытаются вернуть утерянные земли в Палестине и Сирии. Но у воинов Господних очень сильный и умный враг – султан Египта Салах ад-Дин. И ни одна из сторон не может одержать верх. Однако есть еще могущественный Старец Горы, шейх ордена ассасинов, невидимых убийц, аль-Джабаль, и от того, чью сторону он примет, зависит исход войны. Но, как это часто бывает, любую, даже очень тщательно спланированную интригу может разрушить непредвиденный случай!.. Новый остросюжетный роман от настоящего мастера приключенческого жанра!

Виталий Гладкий

Ассасины

Об авторе

Виталий Дмитриевич Гладкий родился 26 апреля 1947 года в селе Ярошовка на Сумщине (Украина), в казачьей семье. Он прямой потомок последнего кошевого атамана Задунайской Сечи и наказного атамана Азовского казачества Йосипа Гладкого. Отец, Дмитрий Николаевич, прошел Великую Отечественную войну от ее начала и до Победы. Ранения и перенесенные им тяготы военного времени не

дали ему дожить до своего века. Он умер в 1955 году, на тридцать восьмом году жизни, оставив на руках жены, Екатерины Григорьевны, восьмилетнего сына и двухмесячную дочь.

Война вообще оставила на семье В. Гладкого глубокие, кровоточащие зарубки. И не только Вторая мировая, но и Первая, 1914 года. Перед самой революцией в разведывательном поиске погиб прадед, гренадер-пластун, георгиевский кавалер. А в 1945 году погиб дед по материнской линии.

К труду Виталий Дмитриевич приобщился рано. Сначала пас общественное стадо, затем колхозных лошадей, а в двенадцать лет уже работал наравне со взрослыми: косил сено, возил зерно телегами на ток, строил дом и даже был помощником комбайнера.

Учился в основном на «отлично». По окончании восьми классов (1961) поступил в Глинский индустриальный техникум, который окончил спустя пять лет с дипломом техника-горняка. Затем поступил на вечернее отделение Донецкого политехнического института. Защитив диплом, ушел в армию. Служил авиационным техником в Красноярском крае.

Отслужив свой срок, вернулся в Донецк. В 1973–1978 годах трудился на заводах Донбасса, пока не уехал на Колыму. Кто был на Крайнем Севере, тот никогда не забудет этот период своей жизни. Суровая природа не любит изнеженных обывателей. А Виталий Дмитриевич к таким и не принадлежал, поэтому прижился на Колыме легко и безболезненно. Работал газосварщиком на заводе по ремонту бульдозеров в городе Сусумане, штукатуром-маляром, плотником, бетонщиком, трудился в старательской артели, работал художником-оформителем и охотником-промысловиком. Строил мосты, промышлял белку и горностаю, оформлял интерьеры ресторанов и кафе, мыл золото... Пробыл он в районах Крайнего Севера восемь с половиной лет.

Свою писательскую деятельность начал на Колыме в 1979 году. Первый его рассказ назывался «Колымская быль». Он был напечатан в районной газете «Горняк Севера». Позже, уже по приезде домой, в московском издательстве «Молодая гвардия» был издан сборник рассказов В. Гладкого о Крайнем Севере под названием «Жестокая охота». Большею частью это автобиографические повествования о его приключениях в колымской тайге, пропущенные через жернова писательского восприятия. У Виталия Дмитриевича трое детей – сын и две дочери.

В 1980 году в областной газете «Магаданский комсомолец» выходит первая повесть Виталия Дмитриевича под названием «Оборотни», через год там же публикуется повесть «По следу змеи», потом в течение последующих двух лет выходят в свет повести «Плацдарм», «Золотая паутина», роман «Архивных сведений не имеется». Все эти вещи печатались в периодике, в журналах «Искатель», «Советская милиция», в Воениздате (серия «Сокол»), в различных сборниках и в дальнем зарубежье. В своих произведениях Виталий Дмитриевич часто описывает единоборства и прочие штуки подобного рода. И это вовсе не случайно. Спорт в юности был частью его жизни. Он занимался боксом, вольной борьбой, карате, был хорошим стрелком. Острый, динамичный сюжет и тщательно выписанные характеры героев – главная отличительная черта романов В. Гладкого.

По возвращении из районов Крайнего Севера долгое время возглавлял издательство «Отечество». Виталий Дмитриевич основал всеукраинскую литературную премию имени М. Старицкого за лучший исторический роман. Он и сам лауреат премии имени В. Короленко. Издано свыше пятидесяти романов В. Гладкого, общий тираж которых вышел за пределы 8 миллионов.

Виталия Дмитриевича всегда привлекала историческая тематика. Он является автором трех энциклопедических словарей: «Древний мир» (1997), «Славянский мир» (2001) и «Словарь нумизмата» (2006). Кроме того, им написано девятнадцать исторических и историко-приключенческих романов. И первым из них был «Меч Вайу», роман о скифах, над которым, как ни удивительно, он начал работать в семнадцать лет.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ В.Д. ГЛАДКОГО:

«По следу змеи» (1988)

«Меч Вайу» (1997)

«Басилевс» (1997)

«Тайна розенкрейцеров» (2004)

«Ушкуйники» (2012)

«Ассасины» (2012)

«Тень Торквемады» (2012)

«Красная перчатка» (2013)

Глава 1

Старец горы

Вершины гор в снежных шапках, которые сверкали под солнцем, словно хорошо полированная сталь «дамаск», казались Авару шлемами дэвов[1 - Дэвы – в персидской мифологии – злые духи.], выставленными в дозор коварным Ахриманом[2 - Ахриман – в персидской мифологии – верховное божество зла.]. Юноша, житель пустыни, раньше видел горы лишь на горизонте. Тогда они казались ему просто невысокими холмиками. Соплеменники относились к горам с благоговением – оттуда всегда приходили грозовые облака, и тогда драгоценная влага поила поля, арыки, наполняла озера в оазисах, а вода в колодцах поднималась до самой высокой черты и пахла не плесенью, а свежестью весеннего ветра.

Авар наконец взобрался на гребень перевала и перевел дух. Нет, он не устал, просто постарался вдохнуть побольше чистого горного воздуха, который пьянил его, как дорогое выдержанное вино из виноградников Ливана. Многолетние тренировки под руководством Наставника, мудрого Азермехра, закалили Авара, сделали его выносливым, как самого быстрого арабского скакуна. Юноша мог бежать без остановки с раннего утра и до обеда, словно неумолимая лошадь пустыни из породы «азиль». Постановка правильного дыхания заняла годы, но в конечном итоге Наставник мог быть доволен своим лучшим учеником.

Уже вечерело, и солнце посылало на землю последние, уставшие за день лучи – только начался месяц сафар[3 - Сафар – август; первый день сафара соответствует 12 августа.], и небесное светило продолжало рано вставать и

поздно отправляться на покой. Золотое солнечное сияние, немного притушенное предвечерней дымкой, высвечивало мрачные стены крепости, сооруженной на вершине неприступной скалы, – цели путешествия Вавра. Это была крепость Масйаф, где жил страшный затворник, о котором слагали легенды, – Старец Горы, шейх аль-Джабаль – Владыка Владык. Слуги шейха, которых народы Востока с презрением и страхом называли хашишинами[4 - Хашишины (хашишийи, ассасины) – буквально: «употребляющие гашиш», «травоеды», намек на их характерную бледность из-за аскетического образа жизни, – получившие широкую известность в Средние века исмаилиты-низариты (шиитская ветвь ислама). Отличались строгой дисциплиной и совершением многочисленных религиозно и политически мотивированных убийств. Слово «ассасин» вошло во многие европейские языки и понимается как наемный убийца. Кроме ассасинов на Востоке существовали и другие организации, которые также не гнушались убивать из-за угла.], наводили ужас на властелинов Востока. Любой из них, поссорившись со всемогущим аль-Джабалем, мог заказывать себе заупокойную молитву. От хашишинов не спасали ни крепкие стены, ни прочный панцирь, ни многочисленная стража.

Старцем Горы шейха прозвали рыцари Креста, захватившие Святые земли. А под титулом «аль-Джабаль» затворника знали все сирийские племена.

Мало кому было ведомо его настоящее имя. Но для Азермехра оно не являлось тайной. Затворника звали Рашид ад-Дин ас-Синан аль-Басри. Наставник несколько пренебрежительно называл его просто Синаном. В этом крылась некая тайна, связанная с прошлым Азермехра. Но кто такой Авар, чтобы об этом спрашивать? Всего лишь один из учеников Наставника, принадлежавших к «невидимым».

Племя, в котором родился и вырос Авар, поклонялось Ахурамазде[5 - Ахурамазда, Ахура Мазда – верховное божество зороастрийского и ахеменидского пантеонов, жрец, творящий мир усилием или посредством мысли.], и его соплеменники считались мушриками – язычниками. Гонимые почитателями ислама, они удалились в пустыню, где и жили долгие годы, стараясь не напоминать окружающему миру о своем существовании. Все мужчины племени умели хорошо обращаться с оружием; этому их учили с малых лет. Но кроме воинов-земледельцев и воинов-охотников, – а добыча пропитания была главным занятием мужской половины племени, – был еще и особый отряд «невидимых».

Его задумал и собрал Азермехр. В отряд отбирали самых крепких и сообразительных мальчишек и учили долгие годы, освободив их от всех иных повинностей. Это были лазутчики племени, которых по окончании обучения отправляли «в свет» – в города Сирии, Палестины, Египта. Там они при денежной поддержке племени со временем становились в основном купцами и водили караваны в пустыню, снабжая соплеменников всем необходимым для выживания в тяжелых условиях.

Кроме того, все «невидимые» являлись соглядатаями племени, шпионами. Их главной задачей было предупредить племя, если кто-то надумает пойти на него войной. И не только предупредить, но и упредить врагов, нанеся ему непоправимый ущерб. Впрочем, такая неприятность случилась всего один раз...

Однако нужно располагаться на ночлег, решил Авар. До крепости, казалось, рукой подать, но ему ли не знать, как обманчивы в горах расстояния. Наверное, сами дэвы подшучивают над путниками, приближая к ним то, что находится очень далеко. А если в горах вовремя не озаботишься поисками удобного для привала места, то до следующего дня можно и не дожить. Кроме зверей, по рассказам бывалых путешественников, в этих местах иногда встречаются и разбойники, а они не страдают человеколюбием.

Небольшую, но достаточно глубокую пещерку Авар нашел случайно, когда почти утратил надежду как-то укрыться на каменистом взлобке перевала. Он не боялся спать под открытым небом. Но древний инстинкт властно гнал юношу на поиски укрытия, потому что одну сторону защищать гораздо проще и легче, нежели когда на тебя нападают со всех сторон. А отбиться от хищников, в том числе и в человеческом обличье, у Авара было чем: у пояса висел длинный нож, в руках – короткое копье с широким наконечником, которым можно было рубить, как саблей, а за спиной приторочены лук и колчан со стрелами.

В том, что юноша имел оружие, не было ничего странного. Все путешественники вооружались с ног до головы. Необычным было лишь то, как мог управляться Авар с этим оружием. Орел, висевший над головой юноши высоко в небе, сильно рисковал. Авару ничего не стоило сшибить его первым же выстрелом.

Заглянув в пещеру, юноша сначала крикнул, чтобы испугать затаившегося зверя (будь он там) и прогнать. Но пещера оказалась незанятой. Немного подождав, Авар вынул из походной сумки кожаный мешочек, достал оттуда щепотку какого-то зелья с едким запахом, посыпал им большой пучок сухой

травы, поджег его и бросил внутрь пещеры. Вскоре оттуда повалил белый дым и неприятный запах усилился. Юноша сидел на камне поодаль и внимательно наблюдал за входом в убежище.

Конечно же, он не ошибся – в пещерке все-таки были обитатели, притом весьма опасные. Сначала побежали ядовитые пауки, а затем, свивая-развивая кольца, прочь от пещеры устремился целый змеиный выводок. Наверное, там была еще какая-то зловредная мелочь, менее прыткая, чем пауки и змеи, но Авар знал, что зелье не оставило ей ни малейшего шанса на выживание.

Дождаясь, пока пещера проветрится, юноша собрал немного хвороста (что было совсем непросто на лысой вершине горы) и разжег костерок – с таким расчетом, чтобы его не было видно со стороны крепости. Ему вовсе не улыбалась перспектива встречи со стражами Масйафа прежде времени. По рассказам Наставника он знал, что Старец Горы перекрыл все подходы к крепости мелкими группами верных стражей. И если им кто-то не нравился, то утром его обычно находили в глубоком ущелье с переломанными костями и позвоночником.

Когда в костре остались одни уголья, Авар нанизал на прутик двух горных куропаток-кекликов, добытых им на склоне горы, где росли кустарники с ягодами, и водрузил на рогульки с таким расчетом, чтобы мясо не горело, а томилось. Это был долгий процесс, но юноша никуда не спешил – до крепости оставалось всего полдня пути. А с муками голода Авар справлялся легко. Азермехр приучал своих питомцев обходиться без пищи почти месяц, и при этом они находились в удовлетворительной физической форме.

Авар лежал на спине, смотрел на звезды, до которых было рукой подать, и вспоминал...

Племя хоронило известного и всеми уважаемого купца, которого звали Устевар. Он был одним из «невидимых». Наверное, большое богатство (хотя почти все его деньги принадлежали племени) подействовало на купца расслабляюще. Он утратил бдительность, и однажды какой-то паломник, с виду оборванец, которому купец подал несколько мелких монет, набросился на него с ножом и нанес смертельный удар. Когда опомнившиеся телохранители купца начали рубить убийцу саблями, он закричал: «Это тебе, собака, подарок от шейха аль-Джабаля!». Как потом стало известно, Устевар наотрез отказался выплачивать незаконный хумс – налог, которым Старец Горы обложил сирийских и персидских купцов.

Когда народ начал расходиться, Азермехр кивком головы подозвал Авара и коротко бросил:

– Ступай за мной.

Идти пришлось долго, почти до самого вечера. Авар шел за Наставником след в след и удивленно гадал: куда и зачем они направляются? Азермехр вел юношу в глубь пустыни. В этой стороне Авар никогда не бывал. Но он точно знал, что там нет оазиса, а они не взяли ни воды, ни продуктов. Только на боку Наставника висела тощая холщовая сумка, в которой могли поместиться лишь несколько лепешек и немного вяленого мяса. Неужели Авару предстоит еще одно испытание? Сколько их было...

Лишь когда солнце опустилось низко над горизонтом, впереди показалась одинокая гора в окружении невысоких скал. Когда они дошли до нее, уже начало темнеть, поэтому Авар не заметил расщелины в горе. Азермехр протиснулся между скальных выступов, и они оказались в просторной пещере, оказавшейся вагном – храмом бога Ахурамазды. В отличие от остальных храмов беждинов-огнепоклонников, священный огонь – адархурра – здесь не горел. Не было в вагне и священника – атрабана. Зато возле одной из стен стояли два больших горшка, в которых хранилось земляное масло.

Наставник наполнил им, похожим на жидкий мед, три чаши, выдолбленные прямо в полу храма, зажег с помощью кремня и трута, и храм осветился. Затем он достал из сумки несколько кусочков ладана и совершил жертвоприношение Ахурамазде – бросил их в огонь. В воздухе появился приятный запах, Азермехр и Авар опустились на колени и произнесли короткую и незатейливую молитву, в которой был помянут и пророк Заратуштра, что дал огнепоклонникам Священное Писание.

Во время молитвы Авар неожиданно услышал звук падающих капель. Он скосил глаза налево и увидел там еще одну чашу в полу, размером гораздо больше трех чаш-свечников. Она была глубокая и до краев наполнена водой. Откуда-то сверху размеренно, одна за другой, падали крупные капли, и их звук показался томимому жаждой юноше райской музыкой.

Произнеся последние слова молитвы, Азермехр испил воды из чаши (его примеру тут же последовал и Авар), а затем достал из сумки две лепешки и плоский

кусочек вяленого козьего мяса. Одну лепешку и немного мяса он положил перед чашами на невысоком плоском камне-алтаре в дар Ахурамазде, а остальную еду разделил пополам с Аваром.

– В этой пещере укрывалась от преследовавших ее врагов принцесса Никбану, вторая дочь последнего шахиншаха персов Йездигерда Третьего, – сказал Азермехр, устраиваясь поудобней. – Когда она вошла сюда, скалы сомкнулись и закрыли вход. Враги ушли ни с чем. Горы не только приняли принцессу, но и напоили ее из внезапно открывшегося источника. Ты видишь его перед собой. Правда, с той поры чашу углубили, чтобы собирать больше воды.

– А что случилось с шахиншахом Йездигердом? – спросил заинтригованный юноша.

– Ему пришлось бежать в Мерв, где его предательски убил хозяин водяной мельницы, давший ему приют. Должен сказать, что этот негодяй долго не зажился...

Авар с пониманием кивнул головой – собаке собачья смерть, – а затем спросил:

– Прости, учитель, за дерзкий вопрос... но почему никто в племени не знает об этом храме?

– Кое-кто знает. – Азермехр скупно улыбнулся. – В том числе и некоторые из «невидимых». Избранные. Это – Храм Прощания. Да-да, мой мальчик, настала пора прощаться. Еще недавно ты был птенцом, но теперь оперился, и я надеюсь, что твой полет будет полетом разящего сокола, а не пугливого, хоть и сильного, аиста. Ты уходишь завтра, на рассвете. А эту ночь мы проведем в храме. Нам нужно поговорить без лишних ушей и глаз.

Юноша печально опустил голову. Он давно ждал этого момента. Недаром столько лет провел за изучением языков и обычаев народов, живущих по соседству. Мало того, ему даже пришлось выучить язык франков[б - Франками арабы называли всех европейцев.], захвативших Святую землю. Он долго не понимал, зачем это нужно, и только когда подрос, понял, что в племени ему больше не жить, как и многим «невидимым». Хотя часть их все же оставалась дома, чтобы исполнять роль лазутчиков, если случится какой-нибудь конфликт с соседними племенами.

– Уже завтра, – продолжал Наставник, – Авар умрет, чтобы возродиться подобно птице Анка-и-Мугриб[7 - Анка-и-Мугриб – в древних восточных мифах сказочная птица, обитающая на чудесной горе Каф, у подножья Древа Весны. У разных народов она известна также под именами Симуург, Зумруд, Зумруд-и-Анка, Тугрул, Хума, Девлет-Кушу и др., а в легендах Запада – как птица Феникс.], но под другим именем и с другой верой в душе. Утром ты станешь исмаилитом, и имя твое отныне – Абу-ль-Фарадж. Запомни его крепко! Эта ночь будет ночью твоего перерождения, и имя это ты должен твердить много раз как молитву. А еще ты прочитаешь наизусть все суры Корана, чтобы освежить свою память.

Юноша знал Коран, пожалуй, лучше, чем мулла какой-нибудь солидной городской мечети. Авару очень не хотелось зубрить бесконечные и, как ему казалось, совершенно бессмысленные наставления чужого пророка, но Азермехр был неумолим – учи! Так надо! И эти два слова были законом для «невидимых», которые долго не могли понять смысл своего обучения.

– Завтра ты отправишься в логово Горного Старца... – При этих словах обычно бесстрастное лицо Азермехра исказила гримаса ненависти. – Или, как он себя называет, шейха аль-Джабала. Любой ценой нужно добиться, чтобы тебя приняли в фидаи[8 - Фидаи (федави, фидаины) – рядовые наемные убийцы, исполнители смертных приговоров Старца Горы. Спустя какое-то время фидаин становился ласиком (примкнувшим), который мог подняться до следующего звания – рафика (буквально: товарища). Затем следовало более высокое звание – даи (учитель). Через даи передавалась воля даи аль-кирбала, который подчинялся только скрытому от посторонних глаз даи ад-дуату – шейху аль-Джабалу. Члены двух низших категорий обязаны были слепо подчиняться высшим иерархам. Рафик уже был младшим «офицером». Члены трех высших категорий – даи, даи аль-кирбаль и даи ад-дуат – представляли собой правящую аристократию и даже имели право не соблюдать законы шариата.]. Ты мальчик способный, и я уверен, что Старец тебя заметит и возвысит. Нам нужен лазутчик в этом гнезде порока, дабы упредить действия людей шейха, направленные против нашего племени. Смерть Устевара стала последней каплей, переполнившей чашу нашего терпения. Старец слишком многое о себе возомнил. Нужно его немного разочаровать и поставить на место. Только не наделай ошибок, иначе твоя смерть будет страшной! Об этом мы сейчас и поговорим...

Мысли Авара были далеко и от перевала, где он устроил привал, и от костра, на котором томилась дичь, но все его органы чувств работали, как самый точный

механизм. Юноша слышал малейшие шорохи, а острые глаза могли различить притаившегося врага даже в темноте. Этому обучил его все тот же Наставник. Мальчика надолго замуравывали в пещере, куда не проникал ни единый луч света, и спустя какое-то время он начинал различать сначала крупные камни, затем более мелкие, и наконец мог видеть всю пещеру, только она была как бы в глубоких сумерках. Для этих целей ему давали специальное питье, обостряющее разум и зрение.

Шорох раздался совсем близко, словно по камням проползла змея. Обычный человек его просто не услышал бы, но только не Авар. Он даже не поменял позы, лишь незаметно натянул тетиву лука, лежавшего у него на груди. В том, что стрела попадет точно в цель, юноша совершенно не сомневался – стрелять в темноте на звук его тоже обучали.

– Встань и иди к костру, – стараясь быть спокойным, сказал Авар. – Зачем таиться в темноте, если ты, конечно, не плохой человек?

– А!.. Как ты меня услышал?! – В раздавшемся из темноты голосе прозвучала досада. – В моем селении меня прозвали Тенью, потому что я мог достать яйцо из-под наседки, и она ничего не замечала.

В неярком свете догорающих угольев появился юноша примерно одного возраста с Аваром. Он был невысок, хорошо сложен и улыбчив. В руках незнакомец держал толстую окоренную палку, на плече виднелся хурджин[9 - Хурджин (хурджун) – переметная сума, которую перекидывали через седло верхового животного или через плечо пешехода.], а возле пояса висел неременный для путешественников нож, без которого ни пищу не приготовишь, ни поешь.

– Идешь в Масйаф? – без обиняков спросил парень и, не дожидаясь ответа, продолжил: – И мне туда же. Примешь в компанию? У меня в хурджине есть вяленые финики и лепешки.

– Присаживайся, – коротко бросил Авар и немного подвинулся, чтобы незнакомец мог сидеть на ровной площадке.

Видимо, это был один из соискателей «милостей» Старца Горы. Азермехр рассказал Авару, что к крепости почти каждый день приходят молодые люди,

готовые стать фидаями. Легковерных юнцов манят легенды о сладкой жизни под покровительством шейха аль-Джабаля, которые рассказывают на базарах люди все того же Старца. Но отбирают в фидаины не всех, а очень немногих.

– Меня зовут Хасан, – представился незнакомец. – Хасан из Магриба[10 - Магриб – название, данное средневековыми арабскими географами и историками странам, расположенным к западу от Египта; сохранилось в арабском языке и поныне. До сих пор на арабском языке так называется Марокко.], – добавил он со смешком.

– А я Абу, – ответил Авар, назвав свое новое имя. – Просто Абу.

– Вот и познакомились... Э, да твои куропатки начинают подгорать! – Хасан быстро повернул тушки кекликов на другой бок.

Он и впрямь двигался бесшумно и очень грациозно. Несмотря на то, что Хасан, как не суди, был его конкурентом, Авару парень понравился. Была в нем некая незамутненная простота и добродушие. Интересно, что его потянуло стать наемным убийцей? Неужто Хасан и впрямь поверил тем басням, что рассказывают медовыми голосами вербовщики Старца? Тогда он или глупец... или человек очень хитрый, с раздвоенным змеиным языком. А значит, его нужно остерегаться.

– Ночи здесь холодные, – сказал Хасан, усаживаясь рядом с Аваром. – Неплохо бы найти какое-нибудь укрытие.

– Уже, – коротко ответил Авар.

– Да ну?!

– Пойдем, покажу...

Пещерка вызвала у Хасана восхищение. Он даже поцокал языком.

– Это просто чудо! Пустишь на ночлег?

Авар рассмеялся.

- Ты, я вижу, нигде не пропадешь, - сказал он весело. - Сначала напросился в компанию, затем нацелился разделить пополам мой ужин, а теперь еще намереваешься и переспать на моем ложе.

- Нет, ну если ты не желаешь...

- Куда ж тебя денешь! Но за все нужно платить. Пока мясо не испеклось как следует, обустрой нам мягкую постель.

- Понял... - Хасан выдал свою коронную белозубую улыбку и исчез в темноте.

Спустя какое-то время он возвратился с большой охапкой свежей травы.

- Где раздобыл? - удивился Авар: по дороге на перевал ему встречались лишь чахлые кустики и сухостой.

- Места нужно знать, - не без хвастовства ответил Хасан.

- Ну, иди в пещеру, стелись, знаток, и возвращайся поскорее. А то мясо остынет. Куропатки уже изрядно подрумянились.

- Один момент! - И Хасан с охапкой исчез в черном зеве их нечаянного убежища.

Пужинали знатно. Особенно понравились Авару вяленые финики Хасана. Они были очень крупными и мясистыми, не то, что у них в пустыне. Видимо, Хасан жил в местах, где воды было много, и она не считалась большой ценностью.

Парни уснули как убитые. Им даже разговаривать не хотелось - усталость тяжелого пути и сытный ужин приспали юношей лучше, нежели колыбельные материнские песни. Авар спал очень чутко - это свойство он опять-таки выработал долгими тренировками, - а вот Хасан был недвижим до самого утра, лишь повернулся раз на другой бок. Все-таки ученик Азермехра не мог, не имел права верить никому, тем более какому-то незнакомцу из Магриба, где чересчур много мошенников и хитрецов.

Утром, поев фиников Хасана, они отправились в путь. Спускаться с перевала было гораздо легче, нежели карабкаться по крутым склонам, и когда юноши подошли к высокому – в полтора человеческих роста – дувалу, ограждающему ксар,[11 - Дувал – широкая глинобитная стена вокруг поселения. Ксар – тип укрепленного поселения, состоящего из пристроенных друг к другу (часто на склоне горы) домов, так что снаружи ксар выглядит как крепость, окруженная стеной.] они все еще чувствовали себя свежими и полными сил. Авар знал, что в поселении живут в основном ремесленники и слуги Старца Горы – как мужчины, так и женщины. В саму же крепость никого, кроме фидаинов, не допускали.

При необходимости жители ксара могли взяться и за оружие, потому что помощники шейха аль-Джабала раз в неделю проводили с ними воинские занятия. По словам Азермехра, иногда мужчины поселения отправлялись на задание вместе с фидаинами – когда нужно было завести смуту в городе или посеять панику в толпе. Так они облегчали их задачу.

– Куда идете и что вам нужно? – грозно спросил у юношей один из воинов возле ворот ксара.

Он был вооружен до зубов и с явным удовольствием красовался в новых доспехах. Наверное, этот сильный муж был начальником отряда стражи.

– О, блистательный джафар![12 - Джафар – начальник (араб.).] – Хасан изогнулся в изящном поклоне. – Мы идем к великому и могучему шейху аль-Джабалу – да хранит его Аллах! – дабы предложить ему свои ничтожные жизни.

Авар едва не присвистнул от изумления: Хасан говорил, словно придворный султана. Как бы там ни было, но начальник стражей явно растаял от такого обращения. На его загорелом до черноты, грубом лице появилось некое подобие улыбки, и он уже вполне миролюбиво сказал:

– Вам придется ждать. Долго ждать. Но не здесь, не у ворот. Идите туда, – показал он на небольшую площадку под дувалом; там уже сидели и лежали конкуренты Авара и Хасана, соискатели милостей Старца Горы. – Отведи их под навес, – приказал начальник одному из своих подчиненных. – Да я вижу, что под навесом нет мест! Выбрось оттуда хитрых бездельников – тех, кто уже сидит там третий день, – пусть эти юноши отдохнут после дальней дороги как следует.

Приказание было исполнено в точности. Два будущих фидаина подчинились стражнику безропотно, но во взглядах, что получили в свой адрес Авар и Хасан, плескались неприязнь и злоба. Впрочем, ни тот, ни другой на такие мелочи не обратили должного внимания. Все-таки находиться в тени гораздо приятней, нежели под жаркими солнечными лучами. А навес был совсем небольшим, он мог укрыть не более пяти-шести человек.

– Да ты просто факир, повелитель змей! – не без восхищения тихо сказал Авар. – Я бы так не смог улестить грозного стража.

Хасан рассмеялся:

– Это тебе плата за приятный во всех отношениях ночлег...

И потянулось томительное ожидание. Авар из рассказов Азермехра знал, что оно может длиться долго, пока не отсеются, не уйдут прочь слабые телом и духом, а останутся самые упрямые и выносливые. Он был готов ждать сколько угодно, поэтому философски отнесся и к недобрым взглядам, и к жаре, которая под дувалом чувствовалась особо остро, и к неудобствам, что причиняла твердая каменистая земля, – ведь слуги Старца Горы ни в малейшей мере не озаботились облегчить молодым людям их страдания, дав хотя бы несколько охапок соломы.

А страдания и впрямь не заставили себя долго ждать. Если вода все же была, – неподалеку журчал горный ручей, – то касательно еды у всех вскоре появились проблемы. У всех, кроме Авара и Хасана. Хитрец из Магриба, оказалось, запасся вялеными финиками. Благодаря им он мог продержаться недели две-три. И тем не менее Хасан щедро делился с Аваром своим продуктом. «Или он совершенно беззаботный человек, или у него на уме что-то другое», – думал осторожный Авар, но от угощения не отказывался.

В его небольшой дорожной сумке, перекинутой через плечо (хурджин юноша решил не брать – он был не очень удобен в пути), лежали высушенные на солнце пластины, в состав которых входили перетертое в порошок козлиное мясо, толченые ягоды, орехи, мед и говяжий жир. Все это замешано на пасте из маковых зерен, в которую добавили немного настоев разных целебных трав. Достаточно было съесть один кусочек этого удивительного продукта, чтобы целый день чувствовать себя сытым и бодрым.

* * *

Спустя неделю количество страдальцев уменьшилось наполовину. Через две недели остался всего десяток из тех, кто пришел раньше Авара и Хасана. Правда, приходили и новенькие, но они были не в счет.

Наконец закончились и финики Хасана. Нельзя сказать, что он сильно огорчился, но немного посуровел, будто мгновенно постарел.

– Не переживай, – сказал Авар, доставая из сумки свои запасы. – Угощайся, – отломил кусочек. – Только не ешь быстро, а рассасывай. Этого хватит на день.

– Вкусно! – воскликнул Хасан, и на его смуглом лице расцвела прежняя белозубая улыбка. – Что это такое?

– Секрет моего племени.

– Понял. Больше спрашивать не буду.

Авар уже знал, что Азермехр не просто с потолка взял имя Абу-ль-Фарадж. Оно принадлежало безвременно ушедшему из жизни юноше, который был в услужении у купца, одного из «невидимых». Племя этого юноши кочевало где-то в пустыне, и проверить, кем на самом деле является кандидат в фидаины, представлялось весьма трудным предприятием. Впрочем, шейх аль-Джабаль и не проводил никаких проверок. Он надеялся на интуицию, которая его никогда еще не подводила.

И снова потянулось томительное ожидание. А солнце словно действовало по наущению Старца Горы, палило нещадно. Но это было днем. Ночью же юношей пробирал озноб, ведь в горах уже приближались холода, и оба тесно прижимались друг к другу, чтобы согреться. Сон их был беспокоен, потому как на голой, каменистой земле даже ишак долго не улежит на одном месте.

Но вот наступил момент, когда закончился запас и у Авара. К тому времени он, Хасан, и еще четверо кандидатов пошли на «повышение» – их наконец перевели в крепость. Дорога через ксар круто забирала вверх, к воротам крепости. Юноши шли, шатаясь от голода, но в ремесленном поселении не нашлось ни единой

сердобольной души, чтобы подкормить их хотя бы черствой лепешкой. В крепости будущих фидаинов оставили на каменных плитах перед входом в приземистое здание, у которого были не окна, а узкие бойницы, приказали никуда не ходить и словно забыли о них.

Авар знал, что сейчас начнется самое тяжелое испытание – на выносливость. Если до этого испытывались упрямство и фанатизм, которые все же поддерживались взятыми в дорогу продуктами, то в крепости их ждала сама смерть. Некоторые из соискателей милостей Старца Горы не выдерживали и умирали от физического истощения.

Юноша приготовился стоически выдержать все, что ему было уготовано. Кроме того, что будущим фидаинам не полагалась никакая еда (питье все же принесли – несколько кувшинов), они должны были терпеть еще и то, что на площади перед зданием негде было отправить естественные надобности. Авар знал это от наставника, но очень удивился, когда о том же ему шепнул Хасан. Ему-то откуда все известно?!

Поблагодарив товарища взглядом, Авар уселся поудобней, скрестил ноги, прикрыл глаза и погрузился в нирвану. Этому способу отрешиться от всего земного его научил все тот же Азермехр. По некоторым намекам юноша понял, что в молодости наставник водил караваны в Хинд[13 - Хинд (Синд) – Индия (араб.)], где и научился потрясающему терпению переносить тяготы и лишения.

Спустя какое-то время мысли Авара осветлились до полной прозрачности, и он перестал замечать и нещадный зной, и назойливых мух, и вообще все вокруг. Его тело стало легким, словно тополиный пух, гонимый ветром, и он воспарил над крепостью как птица.

Юноша немного удивился новому состоянию (раньше на занятиях по нирване под руководством Азермехра никогда такого не случалось), но потом вспомнил слова наставника, что настоящее просветление наступает после долгих дней голодания и в моменты наивысшего душевного напряжения. Голодать Авару приходилось, и не раз – в учебных целях, – но тогда он знал, что в любой момент ему придут на помощь, если что-то пойдет не так. А в логове Старца Горы юноша находился во вражеском окружении, и это все время давило на сознание помимо воли. Как не хотел Авар сосредоточиться и выбросить опасные мысли из головы, у него все равно ничего не получалось.

Авар оставил для размышления всего две проблемы: что собой представляет Хасан и откуда мог Азермехр знать подробности приема в фидаи? Выходило, что наставник в далеком прошлом имел какое-то отношение к Старцу Горы. Неужели он был фидаем?! Но если так, то наставник уже был бы или мертв, или сидел бы по правую руку шейха аль-Джабала – с его-то потрясающими способностями. Это была загадка, которую юноша не мог разгадать даже в состоянии просветления.

Наконец, Хасан из Магриба. Он вполне оправдывал свое имя – юноша был весьма пригож; такие смуглолицые красавцы очень нравятся девушкам, чего Авар не мог сказать о себе. Впрочем, не исключено, что девушки племени сторонились его по той причине, что Авар принадлежал к «невидимым». Они знали, что редко кто из «невидимых» обзаводится семьей, выбирая в жены соплеменницу. Обычно «уходящие в свет» лазутчики племени женились там, где пускали корни и обзаводились деловыми связями.

Но что подвигло красавца Хасана, мальчика явно из небедной семьи, податься в фидаи? То, что он был исмаилитом, Авар понял сразу. Юноши молились рядом, и слова молитвы в устах Хасана звучали куда проникновенней, нежели это получалось у Авара, душа которого яростно противилась чуждым мыслям. Только благодаря железной воле юноша давил в себе неистовое желание бормотать во время молитвы какую-нибудь ахинею. Конечно, не будь рядом Хасана, он никогда не сказал бы ни единого слова из мусульманской молитвы. Но едва Авар вошел в горы, где могли находиться соглядатаи Старца Горы, он начал регулярно останавливаться, чтобы делать вид, будто совершает намаз[14 - Намаз – в исламе обязательная ежедневная пятикратная молитва.].

Хасан был второй и самой важной загадкой. Особенно Авара поразило то обстоятельство, что его попутчик (и невольный соперник), оказывается, тоже знает толк в нирване! Когда пришло время спуститься из светлых высот на грешную землю, чтобы совершить очередной намаз, Авар с огромным удивлением увидел, что Хасан сидит точно в такой же позе, как и он. И видно было, что его дух тоже блуждает в заоблачных высях. Откуда юноше из Магриба известны тайны жрецов Хинда?!

Они остались вдвоем спустя три дня после того, как попали внутрь крепости. Двое из будущих фидайнов сдались спустя сутки. Один из них просто потерял сознание под палящими лучами солнца, а второй начал что-то выкрикивать и бормотать, словно сошел с ума. Их вытащили за ворота, и дальнейшая судьба этих юношей осталась для Авара и Хасана тайной.

Еще двое конкурентов продержались почти трое суток. По их внешнему облику можно было сразу распознать, что они принадлежат к очень бедным семьям феллахов-землепашцев. Юноши были низкого роста, смуглолицые, мускулистые и сухощавые. Авару хорошо был знаком этот тип: круглые и широкие лица, узкий и низкий лоб, черные глаза с длинным разрезом и большой рот с толстыми губами и превосходными зубами. Авар знал, что феллахи обладают большой выносливостью, поэтому посматривал на них с опаской: а ну как Старец Горы именно на этих двоих положит свой глаз?

«Невидимые» иногда ходили с караванами в большие города, чтобы у них выработалась привычка к бурному течению городской жизни (которая большей частью была сосредоточена на шумных базарах). Там Азермехр приучал своих воспитанников к наблюдательности. Спустя какое-то время каждый из «невидимых» мог в любой толпе очень быстро вычленить человека, принадлежащего к нужному ему племени или касте. Мало того, некоторые, особо одаренные, могли даже сказать, какой у этого человека характер, чем он занимается, насколько состоятелен, и поведать о его слабостях, что было весьма ценно в их тайной деятельности.

Феллахи не сдались, они, как и один из тех, кого выставили за ворота, просто потеряли сознание. Притом дружно, почти в один момент, словно близнецы. Но, к удивлению Авара, юношей-феллахов оставили в крепости – откуда-то выскочили слуги, подхватили их на руки и унесли в здание с окнами-бойницами. Авар и Хасан переглянулись, и магрибец, слегка улыбнувшись (улыбка далась парню с трудом; казалось, что туго натянутая сухая кожа на его скулах вот-вот лопнет), сказал:

– Ну что, кто из нас умрет первым?

– Все в руках Аллаха... – закатив глаза, ханжески ответил Авар; при этом его едва не стошнило от сказанного, хотя желудок юноши был не просто пустым, а звонким, как сухой рыбий пузырь.

Хасан лишь хмыкнул в ответ и снова погрузился в нирвану. Авар последовал его примеру...

* * *

Удивительно, но первым сдался Старец Горы. Видимо, опытный в таких делах шейх понимал, что эти двое скорее умрут, нежели признают свое поражение. Но это как раз и не входило в его планы. Оба юноши были достойны занять высокое положение в иерархии фидаинов. Таких выносливых кандидатов шейх давно не встречал.

Наблюдая из окна своей опочивальни за юношами и прихлебывая охлажденное вино, он вспоминал, как все начиналось и к чему пришло...

Орден хашишинов был основан Хасаном ибн Саббахом, который возглавил движение низаритов[15 - Низариты – ответвление исмаилитской ветви шиитского ислама. Выделились из среды воинствующих исмаилитов в конце XI века. Низариты считали, что имамом является старший сын фатимидского халифа аль-Мустансира – Абу Мансур Низар.]. Он провел юность в стране Фарс, затем перебрался в Миср, откуда ему пришлось бежать в горный Иран[16 - Фарс – так арабы называли Персию. Миср – Египет (араб.)]. Там его людям удалось в 1090 году захватить Аламут – Гнездо Орла, мощную крепость на вершине горы, окруженной бурными реками и ущельями. Заняв замок, Саббах объявил себя Великим магистром ордена низаритов и шейхом Аламута Хасаном I. Но громкий титул не прижился. Хасана ибн Саббаха, а затем и его преемников повсеместно стали именовать Горными Старцами, или Старцами Горы.

Постепенно Хасан ибн Саббах, захватывая один замок за другим, подчинил своей власти целую страну, включавшую северо-запад Ирана, север Ирака, юго-восток Турции и восток Сирии. Однако ему так и не удалось покорить ни одного крупного города или обширной плодородной равнины. Саббах занял лишь бедные горные земли, на которые не претендовала ни одна из «великих держав». Арабы прозвали приверженцев ибн Саббаха «хашишинами». Крестоносцы, захватившие Святую землю, переименовали прозвище на свой лад и стали называть их ассасинами.

На завоеванных землях Хасаном ибн Саббахом были введены новые законы, малейшее отступление от которых каралось смертью. Главным из них стал запрет на роскошь, настолько строгий и бескомпромиссный, что богатство потеряло всякий смысл. Не позволялись и развлечения – даже такие, как охота. Но Саббах понимал, что в случае нападения серьезного противника, войны низаритам не выиграть – защищать Аламут будет некому. Крупных городов в стране нет, крестьяне слишком бедны, чтобы вооружиться, а военное сословие

большой частью перебито. Да и оставшейся знати после запрета на охоту доверять нельзя.

Поэтому главные надежды Хасан ибн Саббах возлагал на отлично организованную разведку. Все свое золото он пускал не на создание войска, а на подрывную деятельность и вербовку тайных агентов при враждебных дворах. Не видя никаких перспектив на поле боя, Хасан ибн Саббах прибегал к тактике убийств с помощью фидаинов – «жертвующих собой». Незадолго до своей кончины он даже собственных сыновей осудил на смерть: одного за то, что он считался убийцей уважаемого даи аль-кирбаля, которого Хасан ибн Саббах хотел назначить своим преемником, а другого – потому, что тот нарушал заповеди Корана, тогда как сам шейх аль-Джабаль своей строгой религиозной жизнью всем внушал доверие и почтение...

Рашид ад-Дин ас-Синан аль-Басри, Старец Горы, глава ордена хашишинов в Сирии, отодвинул от себя кубок и взял кусочек халвы. В отличие от Хасана ибн Саббаха, он не считал, что бедность и воздержание в еде – это достоинство. Он немало общался с франками-крестоносцами и мог наблюдать, в какой роскоши они живут. Рыцари пользовались услугами сирийских врачей, поваров, слуг, ремесленников, чернорабочих, носили дорогие одежды в восточном стиле. Окна в их домах были застеклены, полы украшены мозаикой, во дворах устроены фонтаны, а сами дома выстроены по сирийским образцам. Им нравились арабские танцовщицы, на похороны они приглашали профессиональных плакальщиц, любили бани, пользовались мылом и лакомились сладостями.

Крестоносцы, выходцы из стран с холодным климатом, где свежие продукты зимой недоступны, не знали вкуса не только сахара, но и инжира, гранатов, оливок, риса, персиков, апельсинов, лимонов и бананов, пряностей и шербета. Они наслаждались всем этим без оглядки на церковные догмы и при этом были великолепными воинами – бесстрашными, сильными, способными к самопожертвованию. Разве это не веский довод, чтобы не возводить в высокую добродетель бедность низаритов? Правда, о своих размышлениях Старец Горы не распространялся даже в близком кругу. Все должны были считать его аскетом, как и Хасана ибн Саббаха.

Рашид ад-Дин ас-Синан родился близ Басры в Южном Ираке в зажиточной семье и сбежал в Аламут, будучи еще молодым человеком, после ссоры с братьями. Вскоре ас-Синана послали в страну Шам[17 - Шам – Сирия (араб.)]. Он отправился в город Каф, где втайне трудился на благо низаритского дела. Когда

умер престарелый главный даи Абу Мухаммед, ас-Синан стал во главе сирийских ассасинов после недолгой борьбы за власть.

Сирийские низариты оказались в опасном положении из-за вторжения крестоносцев, с которыми у них установились крайне напряженные отношения. Кроме того, Старец Горы столкнулся с четырьмя угрозами, исходящими от самого мусульманского мира. За время его правления сунниты выдвинули две новые силы, стремившиеся объединить раздробленное мусульманское общество под знаменем борьбы с общим христианским врагом.

Первую силу представлял прославленный зангидский полководец Нур ад-Дин, разместивший свою штаб-квартиру в Халебе, или Алеппо, как называли город франки. Не ограничиваясь деятельностью в политической и военной сферах, он создал по всей Святой земле систему медресе, религиозных школ, призванных служить поддержанию единства суннитской веры. Кроме того, Нур ад-Дин послал своего военачальника Ширкуха в Египет, чтобы уничтожить остатки Фатимидского халифата.

После смерти Ширкуха, который стал визирем, ему наследовал его племянник Юсуф ибн Айюб Салах ад-Дин[18 - Салах ад-Дин, Юсуф ибн Айюб Салах ад-Дин (1138–1193) – султан Египта и Сирии, талантливый полководец, мусульманский лидер XII века. Основатель династии Айюбидов, которая в период своего расцвета правила Египтом, Сирией, Ираком, Хиджазом и Йеменом. В Европе известен как Саладин, хотя это не имя. Салах ад-Дин – это «лакаб», почетное прозвище, означающее «благочестие веры». Собственное имя этого правителя – Юсуф ибн Айюб (Юсуф, сын Айюба).]. Он воплощал вторую главную суннитскую угрозу для ас-Синана и его общины. В 1171 году Салах ад-Дин объявил о свержении Фатимидов, провозгласив суннизм религией Египта. Салах ад-Дин мечтал о едином мусульманском обществе, управляемом чистыми религиозными принципами. И Нур ад-Дин, и Салах ад-Дин считали своими опаснейшими врагами крестоносцев, но не упускали из виду и еретиков-исмаилитов.

Третья угроза исходила от враждебно настроенных соседних нусейритских племен, которые жили в горной области Джабал Бахра задолго до прихода исмаилитов. И наконец, четвертым опасным противником были сунниты, входившие в организацию Нубувийя, которые бродили по окрестностям Масйафа, нападая на низаритов.

Таким образом, Рашид ад-Дин ас-Синан очутился в крайне сложной ситуации. На дипломатическом фронте он должен был вести изощренную политику союзов и перемирий, чтобы не допустить объединенного нападения со стороны мусульман. Поэтому поначалу поддерживал Нур ад-Дина как меньшее из двух зол, признавая Салах ад-Дина более непримиримым противником. Ас-Синан был также вынужден налаживать отношения с крестоносцами, с которыми он как мусульманин должен вести непрерывную войну.

Ассасины уже платили дань рыцарям-тамплиерам к моменту прихода ас-Синана к власти. В 1152 году они убили одного из крестоносцев – Раймунда II, графа Триполи[19 - Раймунд II (ок. 1115-1152) – граф Триполи в 1137-1152 гг. Стал первой христианской жертвой ассасинов. Раймунд и двое из его рыцарей были убиты прямо в воротах Триполи.]. Тамплиеры, не устранившись грозных ассасинов, осадили Аламут, но уничтожить низаритов под корень не стали, поскольку были чересчур практичны для этого. Рыцари Храма лишь вынудили Старца Горы платить им ежегодно по две тысячи золотых монет. Это было очень накладно, однако шейх аль-Джабаль рассматривал эти деньги как разумное вложение средств, способное предотвратить открытую вражду.

«Нужны надежные люди, – думал Старец Горы, глядя на двух юношей, которые казались каменными изваяниями. – События назревают!.. Салах ад-Дин – будь он проклят! – не дает покоя. Его, в отличие от франков, не устраивают никакие подношения. Ему нужна наша гибель! Но это мы еще посмотрим... Однако как могут эти мальчики выдерживать такое тяжкое испытание? По-моему, даи Джават чересчур к ним немилосерден. Как бы не случилась беда... Нужно приблизить этих двух. Возможно, они будут лучшими среди фидаев. Увы, народ измельчал и умных стало мало. Поэтому многие погибают, не выполнив задание. Баран никогда не станет газелью».

Шейх аль-Джабаль спрятал вино и халву (он никогда не ел в присутствии своих подданных, поэтому многие считали, что он питается святым духом), взял в руки серебряный звоночек, и мелодичные звуки отразились от голых стен. Для виду, чтобы не смущать слуг излишней роскошью, опочивальня шейха была выдержана в лучших аскетических традициях. Старец Горы спал на циновке, расстеленной на полу, подложив под голову валик, набитый хлопковой ватой.

Но в углу была неприметная дверка; слугам запрещалось открывать ее под угрозой смерти. Впрочем, то было непросто – дверь замыкалась на ключ. За ней находилась комната, которая по красоте убранства могла соперничать с

дворцовыми помещениями султана. Там были и мягкие диванчики, и ковры на полу и стенах, и серебряные подсвечники со свечами, и большая библиотека, в которой имелись не только труды мусульманских имамов и ученых, много золотой посуды, а в окна были вставлены цветные стекла. В этой тайной комнате Старец Горы отдыхал от нелегких забот душой и телом.

На звон колокольчика в опочивальню тенью проскользнул слуга и застыл в низком поклоне.

– Скажи даи Джавату, что эти двое юношей выдержали испытание, – распорядился ас-Синан. – Пусть их поместят отдельно от остальных. И обязательно поинтересуйся, обучены ли они грамоте.

– Слушаюсь и повинуюсь, о великий!

Слуга убежал. Довольный принятым решением, Старец Горы какое-то время медлил, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, а затем решительно снял с шеи ключ на обычном кожаном гайтане и направился к заветной двери.

День клонился к вечеру.

Глава 2

Русы

Никто не умел так скрадывать зверя, как дед Воцата. Осторожный пугливый олень и ухом не вел, хотя старый охотник приблизился к нему на очень близкое расстояние. Ярилко лежал в наскоро сооруженной засидке, сделанной из свежего лапника, и внимательно наблюдал за действиями родного деда.

Воцата не принадлежал к племени русов. Ярилко был еще чересчур мал, чтобы интересоваться историей его появления в родных для мальчика краях, но тем не менее он всегда ощущал некий холодок в своих отношениях и со сверстниками, и с соплеменниками, и со старейшинами, а в особенности с вождем племени Рогволдом. Иногда создавалось впечатление, что Воцату просто побаиваются,

хотя он не был ни колдуном, ни волхвом, как всегда мрачный Морав, который редко появлялся в селении русов. Он жил где-то в лесах, в святилище, куда путь был любопытным заказан, – никто из племени, даже самые смелые вои, не отваживались заявиться к Мораву без приглашения.

Впрочем, Воцату это мало заботило. Из родных у него остался только внук Ярилко, отец которого погиб, отражая набег данов, а мать умерла при вторых родах вместе с ребенком. Поэтому весь жар своего большого сердца и все знания, в том числе и охотничьи хитрости, он торопился передать Ярилке, единственной отраде, потому как хорошо знал, что век человеческий короток, а век руса еще короче – лишь третий год племя не воюет и не теряет мужей.

Раньше дружины русов каждый год ходили в дальние морские походы и возвращались с богатой добычей. Их даже известные разбойники – варяги побаивались, потому что страшнее в бою, нежели полубезумные берсерки[20 - Берсерк – воин, посвятивший себя богу Одину. Перед битвой берсерк приводил себя в боевой транс. В сражении отличался неистовостью, большой силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли. Берсерки не признавали щитов и доспехов, сражаясь в одних рубахах или обнаженными по пояс, иногда надевали медвежьи шкуры.], казалось, нельзя было представить, но и они не шли ни в какое сравнение с боевой яростью гридней[21 - Гриден (гридин) – телохранитель у древнерусских князей, член младшей княжьей дружины.] русов, владеющих оружием как боги. «Не оставляю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь ты этим мечом», – говорил отец сыну-младенцу и клал ему в колыбельку светлое оружие, выкованное искусными кузнецами вендов[22 - Венды (венеты, венеды) – собирательное наименование группы западных славянских племен.]. Как раз к племени вендов и принадлежал в свое время дед Воцата.

Стрела, казалось, вылетела из пустоты. Даже Ярилко, пристально следивший за дедом, на какое-то мгновение упустил Воцату из виду, и старик буквально растаял среди зеленой листвы. А уж как он сумел в густых зарослях натянуть тетиву лука так, чтобы не шелохнулась ни единая веточка, ни один листочек, про то было ведомо разве что Волху, богу охоты. Почувствовав сильную боль, олень высоко подпрыгнул, даже попытался пробежать немного, но стрела попала точно под лопатку, а ее жало – в сердце, и зверь рухнул на землю, кровеня молодую зеленую траву, которую только что щипал, наслаждаясь ее сочностью.

– Иди сюда! – позвал мальчика Воцата. – Принимайся за дело...

Сам сел на выворотень и начал подсказывать Ярилке, как свежевать столь крупную добычу. Это был не первый их олень, – Воцата не зря считался среди мужей племени знатным охотником, за что его скорее всего и привечали, – но каждый раз дед сообщал внуку новые тонкости в этом серьезном деле. Именно серьезном, потому что, во-первых, тушу надо свежевать быстро, дабы образовавшиеся внутри газы не испортили мясо, во-вторых, взрезать горло животного нужно было так, чтобы драгоценная кровь не пошла в землю, а красным ручейком сцедилась в большой рыбий пузырь, заменявший на охоте горшок, ну и в-третьих, мяса на костях не должно оставаться вообще.

В этом году рыбная ловля почему-то не задалась, – даже всеведущие волхвы не знали, по какой причине, – и теперь Воцате и всем свободным от других дел мужчинам племени приходилось много времени проводить в лесах, чтобы прокормить свои семьи и соплеменников, ведь охотничья добыча у русов считалась общим достоянием. И если раньше охотники могли себе позволить оставить малую толику мяса лесным божествам, то теперь там оставались только кости. Русы надеялись, что боги простят им такую вольность и возмещали мясную долю другими жертвоприношениями: молоком, медом, хлебом.

Ярилко работал быстро и сноровисто – залюбуешься. Он резал мясо на ленты, чтобы его можно было прокоптить или провялить. Даже кишки не считались отходами. Их промывали в ручье, соскребали изнутри все нечистое и набивали мелко порезанной требухой, перетертой с солью. Получались колбаски, которые потом долго коптили и подвяливали. Колбаски были добрым подспорьем воинам-дружинникам, отправлявшимся в походы. Они долго не портились, были вкусными и хорошо поддерживали силы.

Когда все было закончено и мясо сложено в заплечные корзины, сплетенные из ивовых ветвей, Воцата разжег небольшой костерок, а затем сказал, доставая из походной сумки плоскую чашу:

– Лей...

Ярилке не нужно было объяснять, что имел в виду дед. Он развязал пузырь с кровью и плеснул в чашу немного густой красной жидкости. Воцата с

торжественным видом прочитал короткую молитву и медленно вылил кровь в огонь. Этим и закончилось обязательное на охоте жертвоприношение лесным духам, чтобы они совсем не обиделись и не отвернули удачу. После этого Ярилко наполнил чашу кровью почти до краев, и Воцата выпил ее, будто это было пиво. То же сделал и мальчик. Он уже знал, что свежая кровь дарит здоровье и добавляет сил.

В поселение они возвратились ближе к вечеру. Вернее, это уже было не просто селение, а городище – с валом, забором из поставленных стоймя бревен с заостренными концами, площадкой для стрелков из лука с внутренней стороны по всему периметру и крепкими дубовыми воротами. Избы у русов тоже несколько отличались от жилищ их соседей из других племен. Они были рубленными, с узкими окошками-бойницами, расширяющимися внутрь. Соседи-славяне большей частью жили в землянках с невысокими крышами, крытыми соломой, а чаще – просто землей, на которой росла трава.

Кровли у изб русов были двускатными, крытые лемехом – деревянной черепицей. Концы лемеха делались городчатыми, в виде ступенчатых прямоугольных уступов, что лишь добавляло избам красоты. В центре городища находился колодец с «журавлем», а возле ворот теснились сарайчики, где русы держали разную домашнюю живность.

Поселению минуло уже много лет. В свое время его построили на высоком речном берегу. С правой и левой сторон оно было защищено от внезапного нападения врагов болотистой низменностью, а позади городища высился дремучий лес, который заканчивался почти на самом морском берегу. Русы не занимались земледелием, поэтому у них не было ни полей, ни огородов. Хлеб они обычно покупали у соседей, выменивая на звериные шкуры, меха и дорогой алатырь-камень[23 - Алатырь-камень – янтарь.], за которым приходилось нырять в море. А все остальное – золото, серебро, красивую одежду, ткани, заморские вина, оружие и доспехи – добывали в набегах.

Разделив добычу должным образом (небольшую часть – себе, остальное – соплеменникам в лице вождя Рогволда, который распределял мясо по семьям в зависимости от количества ртов), дед и внук удалились в свою избу, которая носила отпечаток запущенности. Ни Воцате, ни Ярилке не удавалось долго засиживаться в городище, чтобы навести должный порядок в жилище. Впрочем, они и не стремились подолгу общаться с соплеменниками, потому что для Ярилки эти общения обычно заканчивались дракой, а молчаливый Воцата был

скверным собеседником.

Поужинав поджаренной на костре олениной, они улеглись спать, чтобы на следующий день с утра пораньше отправиться в болота, где находилось тайное место Воцаты. Дорогу туда не знал никто, кроме Ярилки и старика. Надумай кто-нибудь за ними проследить, его ждала бы неминуемая гибель. С виду мирные, покрытые зеленью топи были очень коварными: поставил ногу не туда, куда нужно, – и все, считай, что ты уже в гостях у Мары[24 - Мара – у славян богиня, властительница смерти.].

Островок среди болот – небольшая скалистая возвышенность – порос у берега лозой и невысокими деревцами. Но вместо жилища Воцата соорудил здесь всего лишь навес, крытый камышом. А под навесом находились и вовсе странные предметы, не характерные для обихода русов. Чего стоила одна человеческая фигура в полный рост, которую можно было вращать с определенного расстояния при помощи хитрого устройства. Воцата сплел ее из хвороста и насадил на ось, как большую рыбину на кукан. Он даже старый, изрядно проржавевший шлем водрузил ей на голову. Фигура должна была представлять воина, а к его раскинутым в сторону рукам старик привязал на коротких ремнях тяжелые железные грузила.

Там же, на подставке, лежали длинные окоренные палки, изрядно отшлифованные ладонями, два небольших копья(их железные наконечники были завернуты в тряпку, промасленную барсучьим жиром), несколько порядком измочаленных дубин и пара добрых щитов, обтянутых бычьей кожей с медными заклепками. А еще под навесом лежали обычные камни разных размеров и веса; дед заставлял Ярилку поднимать их по многу раз, чтобы у него добавилось силы и выносливости.

– Ну-ка, бери, – показал Воцата на палки. – Посмотрим, не отяжелел ли ты после сытной еды.

Внук только вздохнул печально: опять дед смеется над ним. Да, он может за один присест слопать половину оленя! Ан, нельзя, не положено. Да и нет у них столько мяса.

Взяв палицу посредине, Ярилко приготовился держать бой с чучелом. Когда он был совсем маленьким, ему казалось, что сплетенная из лозы фигура живая. Не

успеешь оглянуться, как тебе в голову уже летит подвешенный на ремне кожаный мешочек, набитый песком. Это теперь грузила стали железными. А тогда ему так часто приходилось нюхать землю, что будь в мешках на месте песка хотя бы камешки, его голова уже давно бы сплющилась.

– Держись! – воскликнул Воцата, и чучело пришло в движение.

Вскоре, если смотреть со стороны, под навесом начало происходить сплошное мельтешение. Временами казалось, что фигура мальчика расплывается, теряет привычные очертания, так быстро он перемещался, атакуя и защищаясь. Этот учебный бой настолько захватил, что Ярилко в какой-то момент решил, будто перед ним настоящий враг, а не его бездушная и безмозглая личина. Увлекся и Воцата. Следя горящими глазами за внуком, он приговаривал: «Добре! Добре, сынку...» и старался крутить фигуру из лозы как можно быстрее, часто меняя направление вращения.

Учебный бой с чучелом длился долго, солнце уже почти поднялось в зенит. Но Ярилко, казалось, не ощущал усталости, только его изрядно разругавшееся лицо покрылось мелкими бисеринками пота. Первым сдался старик.

– Фух! – сказал он, вытирая пот со лба. – Ну и загонял ты меня сегодня! Как себя чувствуешь?

– Великолепно! – оскалился весело внук. – Продолжим?

– Ну, уж нет... Стар я стал, мой мальчик. Муж из меня уже никакой. Раньше мог биться с утра до вечера. А теперь вот и до обеда не продержался. Устал. Да и то, чем я занимался? Колесо вертел всего лишь. А вот ты молодчина!

– Значит, дубьем сражаться не будем?

– Не будем. Дубьем ты орудуешь правильно, вот только силенок пока маловато. Но это дело наживное. Сегодня мы займемся другим. Повторим удар Перуна[25 - Перун – бог-громовержец в славянской мифологии, покровитель князя и дружины в древнерусском языческом пантеоне. После распространения христианства на Руси многие элементы образа Перуна были перенесены на образ Ильи Пророка (Ильи Громовника).].

Ярилко сразу посерьезнел. Этот удар был большой тайной Воцаты. В поселении им не владел никто, даже сам Рогволд, знатный воин. Дед обучал мальчика удару Перуна с молодых ногтей. Иногда Ярилке даже казалось, что Воцата спешит по какой-то причине, так часто они отработывали очень сложную технику удара.

Они подошли к дальнему берегу островка. Там стояло старое дерево, единственное на всем острове. Но оно было мертвым – его поразила стрела Перуна. Поэтому остался лишь ствол и несколько толстых обогранных веток. На одной из них висел щит, сколоченный из тесаных досок. Он был разрисован сажей, замешанной на жиру. Рисунки представляли собой небольшие кружочки, которые должны были указывать точки на теле человека, по которым следовало бить.

– Сосредоточься, – сказал Воцата очень серьезно.

Когда дело доходило до удара Перуна, старый воин, казалось, начинал излучать невидимую энергию; она ощущалась даже на расстоянии.

Ярилко на мгновение прикрыл глаза, и перед его внутренним взором вдруг побежали тонкие огненные ручейки. И все они стекались в его правую руку. Конечно, это было неправильно. Опытный боец сосредотачивается мгновенно; нередко его действия опережают мысль, особенно в бою. Но островок был мирным, вокруг царил тишина, которую нарушало лишь кваканье лягушек и редкие птичьи голоса, поэтому Ярилко мог для начала действовать немного расслабленно, ведь удары Перуна для организма не проходят бесследно.

Дед учил, что они должны применяться только в крайнем случае, когда уже нет выхода. Хотя бы потому, что даже после тренировки человек становится на какое-то время вялым. Правда, это не относилось к самому Воцате. Несмотря на преклонные годы старик казался выкованным из железа. Конечно, после долгой ходьбы он уставал, но когда дело доходило до учебных боев, Ярилке приходилось туго. Вот и сегодня мальчик совершенно не сомневался, что Воцата притворялся, когда сказал, что умаялся. Видимо, дед решил пораньше сесть на своего любимого конька – отработку ударов Перуна.

Ярилко ударил. Его кулак даже не коснулся досок, а массивный щит качнулся.

– Слабо! – сказал негодуяще Воцата. – Очень слабо! О чем ты думаешь?! Представь, что перед тобой враг, который готов тебя убить. Действуй на опережение! Собери всю силу! Бей!

На этот раз щит отлетел почти до ствола, даже доски жалобно закрипели.

– Хорошо... но все равно плохо! – Воцата отодвинул внука в сторону. – Смотри!

Мальчик даже не понял, бил дед или нет. Кулак Воцаты двигался с немыслимой скоростью. Щит подлетел вверх, ударился о ветку и оборвался.

– Теперь понял? – спросил довольный Воцата.

– Понял, – с сомнением ответил Ярилко.

Они снова подвязали щит, и мальчик приготовился продолжить тренировку. Конечно, мальчиком его можно было назвать с большой натяжкой. Ярилке исполнилось четырнадцать лет и выглядел он как юный гридень: статная мускулистая фигура, широкие плечи, сильные ноги и пристальный немигающий взгляд голубых глаз, которые временами (когда Ярилку сильно сердили) становились похожими на лед. Но его пока не приняли в настоящие воины, поэтому место парню было среди малышни и женщин.

Хорошо, он все время бродит с дедом по лесам, иначе не избежать ему насмешек и подзатыльников со стороны не только взрослых мужей, но и женщин, – унижать гридней и делать им больно перед посвящением в вои было у русов древним обычаем. Будущий добытчик и защитник должен быть терпеливым и выносливым.

– Представь, что ты сам Перун, – сказал Воцата, глядя прямо в глаза внуку с жесткой требовательностью. – Представь! И бей! На этот раз – насмерть. Вот в эту точку. – Он показал.

Внутри у Ярилки словно все перевернулось. Или дед добавил ему энергии, или в него и впрямь вселился дух Перуна, но когда все свершилось, даже Воцата оторопел – щит раскололся и рассыпался на мелкие дощечки! И на это раз Ярилко совершенно не почувствовал слабости, будто не выплеснул из себя все,

что только можно было. Мальчик перевел дух и с удивлением посмотрел на обломки щита.

– Да, теперь ты готов, – с какой-то тоской молвил старик. – Такой удар был только у твоего отца...

* * *

Долгожданный момент посвящения в вои наступил для Ярилки во время летнего солнцестояния – на праздник Купалы[26 - Купала (Купало) – предполагаемый мифологический персонаж у восточных славян, персонификация праздника летнего солнцестояния – Ивана Купалы. Имя Купала произошло от названия праздника. Купало причисляли к знатнейшим богам. Он почитался третьим после Перуна и вторым после Велеса.]. В этот день красавица Солнце выезжает на колеснице навстречу своему супругу Месяцу. В купальскую ночь никто в городище не спал; поднявшись на холмы, люди караулили встречу солнца с месяцем. Возле реки всю ночь водили хороводы, разжигали костры и прыгали через них, дабы священный огонь очистил человека от всякой порчи, жгли сорочки больных – уничтожали болезни, умывались росой, чтобы хворь не приставала. Было занятие и у детей. С крутого берега они катали колеса, что знаменовало поворот солнца на зиму. А еще на кострах сжигали чучела Ярилы[27 - Ярило – у славян ежегодно умирающий и воскресающий бог плодородия. Яриле подчиняются дикие животные, духи природы и низшие божества. Зимой Ярило превращается в Мороз и уничтожает то, что родил весной.], Купалы и Мары.

С наступлением рассвета, сбросив рубахи, русы бросились в воду, чтобы смыть с души и тела все плохое. По рассказам старших, Ярилко знал, что в ночь на Купалу совершаются разные чудеса, расцветают обычно скрытые от людских взоров растения – папоротники и разрыв-трава. А всякая нечистая сила на Купалу крадет с небес звезды, месяц и гуляет, что есть сил.

На этот раз праздничная ночь для Ярилки не задалась. Он с огромным нетерпением ждал следующего дня. Ему и нескольким его сверстникам предстояло нелегкое, но почетное испытание. Оно должно было проходить в святилище Мокоши[28 - Мокошь (Макошь) – божество в славянской мифологии, покровительница женского начала, плодородия, брака, родов, домашнего очага. В ее ведении находилось прядение.]. Вместо того чтобы беззаботно веселиться,

Ярилко терпеливо готовил себя к обряду под руководством деда. Они молча сидели друг против друга прямо на полу и, казалось, не дышали. Зачем это было нужно, Воцата не говорил. Он лишь объяснил, что Ярилко должен мысленно отправиться в чертоги Перуна и, если сильно повезет, испросить его о своей дальнейшей судьбе.

Но попасть в заоблачные выси посредством мысли мальчику не удалось, да и Перун, наверное, был сильно занят и не считал нужным даже показаться Ярилке. Поэтому парень считал, что ночь провел впустую. Конечно, ближе к утру Ярилко сходил на берег и несколько раз прыгнул через костер, а затем долго плавал в реке, но все его мысли находились в Священной роще, где жрицы Мокоши готовились к ежегодному ритуалу.

Их было семеро – все одетые в новые полотняные рубахи с вышивкой черными и красными нитками. Среди них находился и главный соперник Ярилки, сын вождя племени – Всегорд. Он был выше и крупнее сверстников. Силой они с Ярилкой мерялись уже не раз, в том числе и в драках, но Воцата сурово наказал внуку: ни в коем случае не показывай Всегорду все свое умение и всю мощь.

– В глазах врага лучше казаться слабосильным, – поучал дед. – Тем неожиданней для него будет твой ответ. Конечно, Всегорд тебе не враг, но он сын вождя, и Рогволд мыслит поставить его на свое место. Поэтому будет защищать сына всеми средствами.

– Даже если Всегорд неправ? – нахмурился Ярилко.

– Именно так, даже если он неправ, – сурово сказал Воцата. – Но ты не бойся, я всегда с тобой. И в обиду тебя никогда не дам, чего бы это мне не стоило...

Тот нечаянный разговор с дедом Ярилко запомнил накрепко. И после этого старался избегать стычек с Всегордом любыми путями, что не всегда удавалось. В последнее время они особенно участились. Казалось, что Всегорд видит в Ярилке соперника, хотя по положению в племени он никак не мог им быть. Когда дело доходило до драки, Ярилко больше отмахивался и старался просто сбежать, хотя после иногда плакал от бессильной ярости, спрятавшись где-нибудь в лесу. Он знал, что сильнее Всегорда и более ловок.

Дед научил его не только сражаться любым оружием, метко бросать копье и стрелять из лука, но также искусству борьбы и кулачного боя. Впрочем, это умели все вои русов. Однако Воцата знал такие приемы, о которых не имели понятия даже убеленные сединами старшие гридни из дружины Рогволда. А уж они-то повидали мир.

Священная роща встретила процессию тихим шорохом дубовых листьев. Впереди шагали волхвы, а за ними – Рогволд, старейшины и воины-ветераны, суровые темные лица которых были исполосованы шрамами. Воцаты среди них не было, – уж неизвестно, почему, – хотя он тоже не раз ходил в морские походы.

Семь мальчиков шли в окружении трех десятков молодых воинов, будущих боевых товарищей. Ярилко волновался, как никогда прежде. Собственно, как и остальные кандидаты в младшие гридни. Только Всегорд выглядел спокойным и уверенным. Он шел с таким видом, словно все уже закончилось и он получил наузу – плетеный шнур-гайтан на шею с металлическим изображением какой-нибудь птицы или животного, которое станет покровителем молодого воина. Наузу выбирала сама Мокошь. Как это выглядело, Ярилко не знал[29 - Науза – ладанка, оберег, талисман. Наузы состояли из различных привязок, надеваемых на шею. Большею частью это были травы, корни и иные снадобья (уголь, соль, сера, засушенное крыло летучей мыши, змеиная голова и проч.), которым суеверие приписывало целебную силу от той или другой болезни, а также защиту от злых сил.].

Святилище богини принадлежало нескольким племенам. Иногда в него захаживали даже дальние соседи из других племен, в том числе и венды. Оно находилось посреди дубовой рощи, на небольшой возвышенности и было огорожено валом, состоящим из крупных камней. Как они сюда попали, никто не знал – святилище (как и роща) было очень древним. Но в окрестностях городища таких валунов нигде не находили. Волхвы утверждали, что к святилищу их принесли сами боги.

Внутри святилища (в дальнем от ворот конце) стояло жилище жриц – древняя хижина, деревянные стены которой были испещрены резьбой; что она изображала, понять было трудно. Хижину сплошь покрывала паутина, да так, что из-под нее едва проглядывали двери и одно подслеповатое слюдяное окошко. Пауки считались слугами Мокоши.

А в нескольких шагах от хижины торчали вкопанные в землю три капи – идолы. Посередине стояла сама Мокошь, сделанная из темного мореного дуба. Она была огромна. Богиня держала в руках большой рог, отделанный костью морского зверя и украшенный кусочками алатырь-камня. Ее оплетали мудрые змеи, окованные бронзовой чешуей. Одна из них, как оказалось, была живой. Свернувшись в клубок, толстая большущая змеюка лежала возле каменного жертвенника Мокоши. Когда в святилище вошли люди, она недовольно зашипела и темной струйкой исчезла в расщелине между камней.

По бокам Мокоши стояли капи двух ее богинь-помощниц – Лады и Лели. Они были украшены венками, хлебными колосьями и разноцветными ленточками. Положив и поставив на широкий плоский камень жертвоприношения (хлебцы, горшки с медом, вяленое мясо, жбан с пивом и мешочек с лесными орехами), все застыли в ожидании жриц богини.

Спустя какое-то время из хижины вышла старшая жрица – статная женщина с властным лицом в темном одеянии, подвязанном поясом, сплетенным из козьей шерсти. За ней шли две младшие жрицы. Они вели за собой хорошо ухоженную белую козу с позолоченными рожками и несли в руках мотки священной пряжи. Русы верили, что Мокошь прядет нить жизни, и относились к ней с почитанием и страхом. Обидеть богиню значило навлечь на себя и свою семью неисчислимые беды.

Ярилке все дальнейшее действие виделось как во сне. Он мало что соображал. Главная жрица что-то говорила, читала молитвы (даже коза притихла и не пыталась щипать траву прямо возле жертвенника), а затем поклонилась всему люду и вернулась в хижину, передав бразды правления Мораву, старшему из волхвов. Наступил черед мужским испытаниям.

Они оказались очень нелегкими. Ярилко попытался полностью отключить сознание от происходящего, как его учил дед, но разве можно быть совершенно бесстрастным, если тебя бьют, щиплют, дергают за волосы и даже покалывают острием меча до крови? Но про то – ладно, воин должен все терпеть. Только не унижения. Ну как сдержаться, когда ему сначала положили на голову ком жидкой грязи, а затем вымазали лицо свежим конским навозом?!

Мальчик кипел внутри, но даже не моргнул глазом. Бывалые мужи переглядывались в удивлении: такой стойкости у испытуемых они еще не наблюдали. Хоть бы поморщился. Знали бы они, чем успокоился Ярилко!..

Рядом с ним стоял Всегорд. К сыну вождя было совсем другое отношение, нежели к Ярилке. Вместо грязи его просто осыпали пылью, били и толкали не сильно, а уж про то, чтобы навоз размазать по его красной упитанной физиономии, и речи не шло. Ярилке так стало от этого обидно, что он забыл и про боль, и про другие унижения. Стиснув зубы до скрежета, дал себе слово, что при первой же стычке с Всегордом он наконец покажет ему, где раки зимуют.

Сладкая мысль о неминуемом мщении настолько захватила мальчика, что он не заметил, как закончились побои и унижения, и наступил момент посадки будущих гридней «на коня». Прибрежные русы большей частью были мореплавателями, и воевали обычно в пешем строю, но на лошадях ездить умели, правда, гораздо хуже, чем степняки. Тем не менее древний обычай «посадки на коня» исполнялся неукоснительно.

Воцата готовил внука и к этому испытанию. Хотя бы потому, что коней юнцам подавали слабо объезженных. К сожалению, для учебы деду удалось достать лишь старую ленивую клячу, и пришлось Ярилке сесть на «кобылу» – деревянное подобие лошади без головы. Правда, усидеть на жесткой деревяшке было не легче, чем на добром жеребце. Дед, мастер на все руки, сделал так, чтобы «кобыла» брыкалась почти по-настоящему. И все равно Ярилко с трепетом ждал, когда ему подведут молодого сильного жеребца.

«Посадку на коня» проводили на длинной поляне недалеко от святилища Мокоши. Она была предварительно расчищена от мелких кустиков, холмики срезаны, а все норы и ямки засыпаны. И не ради испытуемых – уж больно дороги были кони.

Как Ярилко и предполагал, Всегорду достался быстрый, но неноровистый конек. Сын вождя проскакал на нем до конца поляны, лихо развернулся и помчался обратно, да так, словно был прирожденным всадником. Видимо, Всегорд уже был знаком с этим конем, как определил наблюдательный Ярилко. Животное даже не всхрапнуло, как часто бывает у плохо объезженных лошадей при виде незнакомца, а потянулось к сыну вождя – наверное, за вкусной подачкой.

Очередь Ярилки подошла последней. Он совсем извелся, наблюдая, как его сверстники один за другим проходят это испытание. Наконец вождь посмотрел и в его сторону. Криво улыбнувшись, он что-то шепнул одному из старших гридней, тот махнул рукой, и к мальчику подвели такого коня-красавца, что у

него внутри все сжалось. Двое конюхов едва сдерживали гнедого жеребца, который так и норовил кого-нибудь укусить или лягнуть.

Это был конь самого Рогволда. Ярилко слышал, что его купили за большие деньги у племени прусов. Говорили, будто жеребец едва не зашиб насмерть гридня, ведающего конюшней, когда тот решил объездить покупку. А ведь он понимал толк в этом деле. И на таком звере ему предлагают проехаться?! От одной только мысли Ярилку бросило в жар. Он беспомощно оглянулся, словно пытаясь увидеть за спиной деда Воцату, но того нигде не было видно, и мальчик, потупившись, направился к коню.

Наверное, и старшие гридни заподозрили неладное, потому что среди них раздался тихий ропот. Но Рогволд лишь глянул грозно, и вои притихли – вождь знает что делает. Все мальчики смотрели на Ярилку с сочувствием: они понимали, что новичку объездить такого зверя просто невозможно. А значит, Ярилко не пройдет испытание и по-прежнему будет околачиваться среди малышни и женщин, что мужчину, тем более будущего воина, совсем не красит. Лишь Всегорд нехорошо ухмылялся и блудливо отводил глаза в сторону.

Ярилко скрипнул зубами от внезапно обуявшей его ярости, одним махом запрыгнул на коня, который имел на спине лишь потник, крепко схватился за поводья и крикнул:

– Пускайте!

Гридни-конюхи отскочили в сторону, жеребец сначала поднялся на дыбы, пытаясь сбросить седока, а затем вихрем помчался вперед, да не просто помчался, а начал брыкаться и кидаться из стороны в сторону. Ухватившись одной рукой за пышную гриву коня, а другой с силой натягивая поводья, Ярилко вдруг запел. Мотив старинной песни-молитвы вендов, которую не раз напевал ему Воцата, пришел в голову внезапно, словно их навеял ветер, свистевший в ушах.

Конь по-прежнему мчал вперед, как сумасшедший, но в какой-то момент вдруг перестал прыгать, словно козел, и перешел на ровный галоп. Но не остановился и в конце поляны, хотя Ярилко изо всех сил пытался повернуть его обратно. Жеребец перемахнул высокий кустарник, служивший ограждением поля для «посадки на коня», и рванул дальше, уже среди редких деревьев. А мальчик

продолжал петь. Мало того, он вообще бросил поводья, чтобы не терзать животное удилами, лег на шею коня и обхватил ее руками. Бег коня становился все тише и тише... и в конце концов взмыленное животное остановилось, словно решив дослушать песню мальчика без помех. Ярилко немного подождал, успокаивающе поглаживая и похлопывая жеребца ладонью, затем слегка потянул за повод, развернул его и не спеша поехал обратно...

Ярилку встретили одобрительными и даже восхищенными возгласами. Особенно радовалась молодежь. Только вождь племени смотрел на мальчика с каким-то странным выражением, а в его глазах плясали нехорошие искорки. Что касается Всегорда, то он едва скрывал огромное разочарование и злобу. Ярилко стойко встретил его взгляд, полный ненависти, и первый раз в жизни не отвел глаза в сторону. Наверное, заледеневший беспощадный взгляд соперника, в котором явственно читался вызов, задел сына вождя за живое, но он не смог его выдержать и потупился.

Затем начались завершающие обряды посвящения мальчиков в младшие гридни. Их головы остригли и обрили, оставив лишь густой и длинный клочок волос. При этом юношам еще раз пришлось испытать сильную боль, потому что брили их не очень острыми – скорее тупыми – ножами. Волосы после стрижки аккуратно собрали и сожгли на костре. После из хижины снова вышла жрица Мокоши, которая несла в руках семь наузов – по числу новых гридней. Сыну вождя досталась науза в виде медведя, а Ярилке – оскаленная морда волка. Обереги были выполнены из какого-то темного, нержавеющей металла и серебра.

Наверное, кое-кто ему позавидовал, потому что эта науза олицетворяла независимость, выносливость и силу, а также удачу на охоте. Науза волка была предпочтительней наузы медведя – сильного, но склонного к лени и обжорству. Но все знали, что наузы даются не просто так, по желанию жрицы; она испрашивает у Мокоши, кому какой оберег должен принадлежать.

Но и это было еще не все. Теперь уже принялись за дело мужчины. Каждый из семи мальчиков подходил к Мораву, и стоявшие рядом с ним волхвы рангом пониже набрасывали ему на плечи волчью шкуру с головой, в пасти которой торчали немалые клыки. Морав читал молитву и давал выпить юнцу жбан пива. После этого шкуру снимали, и новый воин становился полноправным членом «волчьего» союза – молодым гриднем. При этом, насколько Ярилко знал от Воцаты, иногда происходило «наречение» новым именем, – уж непонятно по какой причине; про то знали только волхвы – но все шесть мальчиков остались

при своих именах.

Наступил черед Ярилки. Он подошел к Мораву, встал на одно колено, и теплая мохнатая шкура оказалась у него на плечах. Волчий запах еще не выветрился как следует, – зверя убили этой зимой, – и острое обоняние мальчика мигом вызвало в его живом воображении серого матерого волчищу, который быстрым скоком уходил от облавы. Неожиданно волк обернулся, и Ярилко очень близко увидел его глаза – словно это было и впрямь наяву. Но самое главное – во взгляде волка он не увидел ярости загнанного зверя, а всего лишь мольбу о братской помощи. Что это?! Ярилко дернулся назад, поднял голову и увидел, что на него с какой-то странной пристальностью смотрят все волхвы.

– Встань, – сказал Морав. – Шкуру оставь, – упредил он вопрос мальчика, удивленного тем, что волхвы даже не сделали попытки помочь ему избавиться от волчьей машкары. – Снимешь, когда я скажу. А сейчас... – Голос главного волхва зазвенел, загремел громом, поднялся ввысь: – Я нарекаю тебя Вилком[30 – Вилк – волк (старослав.).]!!! Сегодня Ярилко умер и родился Вилк!

Гридни загомонили, задвигались; многие из них отступили назад, словно чего-то испугались. Ярилко тревожно оглянулся по сторонам, но все избегали смотреть ему в глаза, отводили взгляды.

– Испей! – приказал Морав, подавая мальчику жбан пива.

Ярилко выпил его одним духом, потому что в груди у него вдруг забушевал пожар. Что же с ним творится?!

– Приглашаю всех на пир! – возвысил голос Рогволд. – Да славятся вечно живущие Род[31 – Род – у славян прародитель богов и творец мира.] и Мокошь!

Гридни и старейшины довольно загудели, послышался смех, завязались непринужденные разговоры, и русы гурьбой направились по широкой тропе в родной городище. Возле капи Мокоши остались лишь Морав и Ярилко – теперь Вилк.

– А ты пойдешь со мной, – строго сказал волхв.

– Зачем? – невольно вырвалось у Ярилки-Вилка.

– Скоро узнаешь, – ответил Морав, повернулся и, не оглядываясь, зашагал в сторону, противоположную той, куда ушли соплеменники.

Ярилко немного потоптался на месте, а затем ноги словно сами понесли его вслед Мораву. Ослушаться волхва было немыслимо.

Глава 3

Пираты

Море за кормой флагманского нефа[32 - Неф – торговое и военно-транспортное парусное судно X–XVI вв.] было еще сонным, голубовато-серым, но рассвет уже наступил, и скоро из-за дальних островов должно было показаться солнце. Морской простор был спокойным, но ветер дул достаточно сильно, и паруса тяжело нагруженных кораблей флота крестоносцев были натянуты туго, поэтому кормчие не устраивали свои колдовские «пляски» с различными амулетами и приговорами, пытаясь добиться благосклонности своенравного Эола.

Когда-то, в очень далекие времена, римляне называли море *Mediterraneus* – Срединным, и только спустя столетия все стали именовать его Средиземным. Правда, потом, когда Римская империя вошла в силу и покорила многие народы, гордые патриции переименовали его в *Mare Nostrum* – Наше Море. Они думали, что римские орлы вечно будут владеть миром, а грозные легионы – топтать своими тяжелыми калигами пыль чужих дорог.

Затем народы Востока прозвали его Море Шем – Семитским морем. Но это название как-то не прижилось. Скорее всего потому, что семиты мало значили в мировой истории и не смогли занять на ее скрижалях достойное место среди сонма великих. Особенно символично выглядит то, что древние финикийцы (мудрый народ, великие мореплаватели) называли Средиземное море Великим Морем Заката, ведь его воды были свидетелями угасания и исчезновения многих великих цивилизаций – Древнего Египта, Эллады, Рима, наконец, той же

Финикии.

Адмиральский неф Робера де Сабле мало чем отличался от остальных судов его небольшого флота, – в караване собралось всего пять посудин, правда, большой вместимости – разве что на носовой и кормовой надстройках были установлены яркие разноцветные шатры, а не навесы из грубого полотна. Один из них занимал сам адмирал, а в других располагались пассажиры-дворяне. Метрах в четырех выше киля, то есть ниже ватерлинии, находилась палуба для размещения простолюдинов, которую спустя несколько столетий назовут твиндеком. Над твиндеком, по всей длине судна, проходила сплошная главная палуба, а выше ее – полупалуба-помост.

На этом помосте по обоим бортам судна размещались каюты, которые резервировались для состоятельных пассажиров, преимущественно рыцарей и богатых негоциантов. Крыша этих кают служила опорой для ограждения типа фальшборта с прорезанными в нем бойницами. В штормовую и дождливую погоду, а также для укрытия от палящих лучей полуденного солнца над помостом натягивался большой парусиновый тент.

Караван вез в Святую землю пилигримов. Многие из них были людьми небедными, поэтому предпочитали путешествовать с удобствами. Каждый из них имел кровать, матрац, полотняные простыни, наволочки, подушки, набитые перьями, ковер и большой сундук для хранения личных вещей. Кроме того, пилигримы запасались вином и питьевой водой, а также сухарями двойной или тройной закалки, потому что они не портились.

Бывалые люди советовали друзьям-паломникам: «Закажи в Венеции большую клетку с насестами; в ней ты будешь держать кур и гусей. Затем купи свиные окорока, копченые языки да вяленых щук. На корабле кормят лишь дважды в день. Этим ты не насытишься. Вместо хлеба там дают большей частью старые сухари, жесткие, как камень, с личинками, пауками и красными червями. И вино там весьма своеобразно на вкус. В общем, отвратительное. Не забудь и о полотенцах для лица. На корабле они всегда липкие и вонючие. А еще позаботься о добром благовонном средстве, ибо там стоит такой безмерно злой смрад, что невозможно описать его словами».

Зловоние на грузовых кораблях и впрямь было невыносимым. В его создании участвовали пищевые отходы, экскременты больных дизентерией, пропотевшая одежда и рвота мучимых морской болезнью путешественников. К этому

примешивался еще стойкий, распространявшийся по всему судну дух конского навоза, который невозможно было забить даже крепчайшей мускусной парфюмерией, ведь каждое судно, отправляющееся в «святое плавание», имело на борту стойла. Три-четыре десятка коней висели в них на лямках, позволявших животным лишь слегка касаться копытами палубы. Они пугались и ржали, раскачиваясь в такт движениям судна, при этом били и скользили копытами по доскам настила.

Робер де Сабле сидел в шатре на корме в компании со своим добрым приятелем Танкредом Сицилийским; они недавно проснулись и ждали, пока подадут завтрак, пробавляясь добрым вином. Адмирал прихватил короля Сицилии по пути; тот как раз оказался в Венеции, когда грузились корабли с пилигримами, и зачем-то намеревался посетить остров Корфу. Обычно паломники устраивали там небольшой отдых перед дальнейшей дорогой в Святую землю. По словам Танкреда, на острове его должен ждать корабль, на котором он и вернется домой. Его венецианская галера[33 - Галера венецианская - парусно-гребной военный корабль с одним рядом весел и двумя-тремя мачтами с треугольными и прямыми парусами. Экипаж, включая воинов, составлял до 450 человек.] попала в сильный шторм, и теперь плотники заделывали пробоины и строгаги новые весла взамен сломанных. Это дело было нескорое, а Танкред спешил. Кроме того, король Сицилии знал, что под защитой Робера де Сабле ему ничто не грозит

Несмотря на то, что шатер, где беседовали Робер де Сабле и Танкред, находился на свежем ветру, зловоние доставало и сюда, хотя воздушные потоки все же большую часть миазмов уносили в море. Танкред морщился, прикладывая к носу большой кружевной платок, надушенный восточными благовониями, но это мало помогало, поэтому старался налегать на красное бургундское вино, которое закусывал солеными оливками.

- ...так маркграф Конрад Монферратский дал пинка под зад Ги де Лузиньяну и занял трон Иерусалимского королевства, - закончил фразу Танкред и с удовлетворением улыбнулся.

- Ну, он даже не король-консорт[34 - Король-консорт - в признание статуса супруга королевы ее мужу может быть дан формальный титул принц, принц-консорт (принц-супруг) или король-консорт (король-супруг).]... И потом, разве у него больше прав на этот трон, чем у Ги де Лузиньяна? - осторожно поинтересовался Робер де Сабле.

Он понимал, почему Танкред столь благосклонно оценивает действия Конрада Монферратского, и спросил лишь для того, чтобы его приятель раскрыл свои карты. Ги (Гвидо) де Лузиньян был креатурой Ричарда Плантагенета, графа Пуату, с которым Танкред находился в ссоре из-за приданого вдовствующей королевы Сицилии Иоанны Английской, сестры Ричарда и младшей дочери Генриха II, короля Англии. С другой стороны, Танкред Сицилийский был в союзнических отношениях с Филиппом II Августом, королем французским, которого весьма уязвил отказ Ричарда жениться на его сестре Алисе, чьей руки тот прежде домогался весьма настойчиво. Обосновывая свой отказ, граф нахально заявил, будто его отец, Генрих II, совратил Алису едва не в детстве, и она даже родила от него ребенка; наконец, подержанные вещи его не интересуют.

«Наверное, Ричард немало выпил перед тем, как это сказать», – не без сожаления подумал Робер де Сабле. Необузданный, горячий нрав своего сюзерена [35 - Сюзерен – в Западной Европе в Средние века – верховный сеньор территории (король, герцог, князь), являвшийся государем по отношению к зависимым от него вассалам.] и друга он знал не понаслышке.

– Ты шутишь! – воскликнул Танкред. – Все достоинство Ги де Лузиньяна состоит в том, что он вовремя поймал ветер в свои паруса, – тут король Сицилии машинально посмотрел через приоткрытый полог шатра на мачту нефа, – и женился на Сибилле д'Анжу, старшей сестре короля Иерусалимского Балдуина IV. При этом он получил во владение из королевского домена графство Яффское и Аскалонское, что при его нищете было просто даром небес. Но про то – ладно. Поговорим о его воинских «доблестях». Мало того, что в Хаттинской битве Ги попал в плен к Саладину, так он еще сдал сарацинам без боя Аскалон, после чего султан освободил его без выкупа. И этот человек пытается удержаться на троне?!

– Мой добрый друг, в тебе говорит злость, – мягко сказал Робер де Сабле; он вообще отличался кротостью нрава, что никак не сказывалось на его воинских качествах. – Конрад Монферратский в этом вопросе мало чем отличается от Ги де Лузиньяна. Он уже готов пойти по пути своего соперника.

– Что ты имеешь в виду? – подозрительно посмотрел на него Танкред.

– Разве тебе неизвестно, что маркграф сватается к Изабелле Иерусалимской, сестрице Сибиллы? Таким образом он, как и Ги де Лузиньян, узаконит свое право на титул. Но, клянусь святой пятницей, лучше бы Конрад женился на своей лошади. У Изабеллы отвратительный нрав и полные мехи коварства. Не говоря уже о ее «прелестях», на которые мог покуситься разве что Конрад Монферратский. Впрочем, прости, я не прав. На его месте многие поступили бы так же – слишком большой кусок праздничного пирога стоит на кону.

– Не нам его судить... – недовольно буркнул король Сицилии; по его виду стало понятно, что он не желает продолжать разговор на эту тему.

Робер де Сабле сразу уловил «перемену ветра» и перевел разговор на другое. Он ни в коей мере не хотел ссориться с Танкредом. Мало того, ему очень хотелось помирить упряма с Ричардом Плантагенетом, потому что их противостояние могло плохо отразиться на новом – третьем – крестовом походе, который усиленно организовывали папа римский Климент III и германский император Фридрих I Барбаросса.

– Император Фридрих принял в марте крест на сейме в Майнце и в мае выступил в поход, – заметил Робер де Сабле. – Он хочет добраться до Константинополя сухопутным маршрутом.

– Похоже, ему предстоит тяжелая зима, – оживившись, ответил Танкред. – Придется германцам разбить лагерь в чистом поле, потому что византийский император Исаак II Ангел на дух не переносит Фридриха и с войском в Константинополь его точно не впустит. Кстати, германское посольство, отправленное в Константинополь, было пленено.

– Думаю, они все же придут к согласию. За спиной Фридриха цвет германского рыцарства, оруженосцы, кнехты... сотысячное войско! А это очень сильный аргумент в споре.

– Да, на этот раз германцы организованы гораздо лучше, чем прежде. Во-первых, в походе запрещено участвовать тому, у кого нет трех марок серебром[36 - Марка – весовая счетная единица в Западной Европе; на славянских языках называлась гривной. Первоначально она составила 2/3 каролингского фунта, и отсюда идет деление марки на 8 унций, или эре, как называли ее в Скандинавии. Впоследствии вес марки в разных странах был

различен.]. Во-вторых, Фридрих разбил свое войско на отряды по пятьсот человек и поставил во главе их умных и опытных военачальников. И в-третьих, значительно увеличил количество арбалетчиков. Ты знаешь, как они ценны во время штурма крепости. Мы очень многих теряли от метких стрел сарацинских лучников. Уверен, арбалетчики Фридриха себя еще покажут. К сожалению, мы до сих пор расхлебываем совершенно глупый запрет 1139 года, когда папа Иннокентий II почему-то решил, что арбалет – слишком смертоносное оружие и может применяться только для охоты. Нас смущает лишь чересчур преклонный возраст императора. Ведь ему, как мне помнится, уже минуло шестьдесят лет?

– Недавно исполнилось шестьдесят шесть, – уточнил адмирал.

– Вот и я об этом. Если с ним что-нибудь случится в походе, кто его заменит?

– Сын, Фридрих Швабский. Он идет вместе с ним.

Танкред иронично ухмыльнулся.

– Этот неуч? – спросил он с издевкой. – Он не умеет ни читать, ни писать. А воинских талантов у него не наберется и на медный обол[37 - Обол – в XII веке самая мелкая монета Франции, изготавливалась из меди.].

– Крест может подхватить Филипп II Август. Это молодой, но уже опытный военачальник, – мимоходом польстил де Сабле королю, хорошо отозвавшись о его сиятельном друге. – Когда он вступил на престол, – продолжал адмирал, – в состав его домена входили только Иль-де-Франс, Орлеан и часть Берри, а на остальные десять фьефов[38 - Фьеф – то же, что и феоде; ленное поместье. В Средние века так назывались участки земли, владельцы которых пользовались в своих пределах большой самостоятельностью и имели верховные права по отношению к населению. Взамен этого они считались по отношению к собственнику этого участка вассалами, платили ему дань, обязаны были помогать в войне и проч.] французского королевства распространялось только право сюзеренитета. Брак с Изабеллой Геннегау принес ему Артуа. А когда он подавил мятеж графа Фландрского, претендовавшего на регентство, то получил Амьену и Вермандуа. При этом показал себя в битве с коалицией таких серьезных и опытных противников, как графы Геннегау, Блуа и Шартрский с самой лучшей стороны. А еще он освободился от опеки своей матери, Адели Шампанской, и четырех ее братьев, которые немало крови ему попортили.

– Да это так, – ответил Танкред, улыбнувшись чему-то своему, но тут же нахмурился. – Если бы не Плантагенеты...

Адмирал отмолчался. Он понял, что имеет в виду король Сицилии. В самом начале своего правления молодой Танкред был увлечен личностью английского короля Генриха II и старался во всем подражать ему. Но очень скоро увидел, что интересы их противоположны, и французский король неизбежно должен ставить своей целью отнятие французских владений у английского короля.

Руководствуясь этим убеждением, Филипп вскоре возвратился к той политике, которой придерживался его отец, – стал требовать от Генриха II вассальной покорности в управлении французскими областями и пользовался всяким случаем вредить ему.

Невозможно было думать об объединении французских земель до тех пор, пока власть Плантагенетов по эту сторону Ла-Манша была так велика. И тогда Филипп приступил к основной задаче: отвоеванию владений Анжуйской династии, в три раза превышавших по площади королевские. Вражда Генриха II со своими сыновьями облегчала ему эту задачу, но ее нужно было использовать с толком. Чем сейчас король Франции и занимался, насколько было известно Роберу де Сабле. А это для нового крестового похода было очень скверно, потому что такая сильная фигура, как Ричард Плантагенет, вряд ли смирится с доминированием французского короля, которого он насмешливо именовал «корольком».

– Я слышал, что Филипп сватается к дочери датского короля – Ингеборге...

Адмирал то ли спросил, то ли просто констатировал факт.

– Есть такие слухи, – не очень охотно откликнулся Танкред.

Робер де Сабле мысленно расхохотался. Внешне Ингеборга была почти копией Изабеллы Иерусалимской. Жениться на ней можно было лишь по одной причине – из-за денег. Брат Ингеборги, король Кнут VI, был очень богат и давал за нее большое приданое. Это все знали. Братец из шкуры лез, лишь бы пристроить сестру, единственным «достоинством» которой был злокозненный нрав, чем она немало досаждала и ему, и его приближенным. Так что «королька» можно было лишь пожалеть. Если, конечно, он вовремя не даст задний ход. Что было вполне вероятно, так как Филипп не был дураком и умел интриговать, как никто другой.

– Что слышно о Ричарде? – вдруг спросил Танкред.

Для него не было тайной, что Робер де Сабле находится с Ричардом Плантагенетом в дружеских отношениях. Мало того, и флот, которым он командовал, принадлежал лично графу Пуату. Впрочем, когда-то и юный Филипп, будучи принцем, ходил в лучших друзьях Ричарда...

– Ричард сел на своего любимого конька, – не без сожаления ответил адмирал. – Как обычно, он подчинился мимолетному порыву и, не заручившись согласием отца, принял крест. Причем в том самом соборе города Тур, где когда-то вступил в крестоносцы и его прадед Фульк Анжуйский, чтобы жениться на принцессе Мелисенде и стать королем Иерусалимским. Теперь Ричард уговаривает короля Генриха присоединиться к нему, ведь тот давно желал принять участие в крестовом походе и даже потратил значительные суммы на поддержку королевства Иерусалимского...

Увы, позавтракать Роберу де Сабле и Танкреду Сицилийскому так и не удалось. Едва над горизонтом показался алый краешек солнечного диска, как в шатер заскочил взволнованный комит – старший офицер. На груди у него висел серебряный свисток, подстегивающий команду при исполнении того или иного маневра, а у пояса – короткий тяжелый меч, удобный для боя на корабле, где пространство большей частью было ограничено.

– Сарацины! – вскричал комит.

На кораблях, принадлежавших Ричарду Плантагенету, существовал порядок, заведенный в венецианском флоте, по тем временам самом сильном и многочисленном. Парусами ведал комит, штурмана называли «пилотом», а помогали ему рулевые. Помимо них, в состав экипажа входили также несколько помощников комита, лекарь, цирюльник, плотник, портной, который в основном чинил рваные паруса, и сапожник. Самыми низшими в этой иерархии были матросы-галиоты. Они работали грузчиками в порту, а затем помогали судну отвалить от пристани. Кроме того, предусмотрительный Робер поставил на каждом нефе по небольшому воинскому отряду – в основном копейщиков и арбалетчиков.

К сожалению, среди них не было тяжеловооруженных рыцарей, которые являлись главной ударной силой во всех сражениях, будь то на море или на

суше. А галиоты, хоть и могли держать в руках оружие (обычно оно хранилось под замком в одной из каморок), но вояки из них были никудышные.

Робер де Сабле и Танкред выскочили из шатра и увидели, что нефы окружают юркие посудины сарацинских пиратов. Среди них находились четыре больших гураби[39 - Гураби - парусно-гребные галеры длиной до 45 м и водоизмещением до 250 тонн. Экипаж состоял из 200-300 человек, включая 120-180 гребцов. На веслах гураби развивала скорость всего 13-14 км/час.], которые являлись главной ударной силой пиратского флота, не менее десятка быстроходных шейти[40 - Шейти - парусно-гребное судно, имело длинный узкий корпус, косой треугольный парус и 80 весел. Основное назначение шейти - быть на посылках, что не мешало им принимать участие в боевых действиях в составе флота.] и штук двадцать маленьких юрких караби[41 - Караби - большая парусная лодка с 16-20 гребцами и несколькими лучниками.]. На всех кораблях сарацин виднелись готовые к бою стрелки из лука, представлявшие для франков наибольшую опасность. Нельзя было сбрасывать со счетов и возможность абордажа, в котором сарацины, превосходно владеющие ножами, не имели себе равных.

Понимая, что без реальной морской военной силы защитить побережье невозможно, Салах ад-Дин с первых же дней прихода к власти стал уделять особое внимание усилению флота Египта. Султан создал специальный административный орган по делам флота - диван ал-устуль - и издал предписание правителям областей Сирии и Египта выполнять все, что он потребует для обеспечения флота. Салах ад-Дин выделял для этого управления значительные суммы.

Кроме того, султан повелел для постройки кораблей использовать ресурсы не только Египта, но и Сирии, откуда вывозилось железо, добываемое близ Бейрута, кедр и итальянская каменная сосна, которые произрастали в горах Ливана. Для закупки древесины, железа, воска был заключен ряд торговых соглашений с итальянскими республиками. Также в Александрии существовал диван, известный под названием «ал-матджар ас-султани», для приобретения различных товаров, ввозимых в Египет и необходимых для армии и флота - древесины, железа, шерсти, парусины. Все это покупалось на средства налога - хумса, - которым облагались все купцы - как арабские, так и европейские.

И все равно египетский флот годился разве что для охраны прибрежных вод. Большие корабли крестоносцев с отрядами арбалетчиков и метателями

«греческого огня» (секрет которого франкам так и не удалось выведать у византийцев, но покупать сосуды с горючей жидкостью они имели возможность) превосходили гураби, а тем более шейти. Имелись у сарацин суда и побольше – куркуры и заураки, – но они предназначались для перевозки грузов и были неповоротливыми и тихоходными.

Тогда Салах ад-Дин обратил внимание на буйное и неуправляемое сообщество магрибских пиратов. Они не признавали никакой власти и грабили всех подряд – и подданных султана, и крестоносцев. Правда, в сражениях с франками пираты часто терпели поражения, но большей частью потому, что были разрознены. Салах ад-Дин взял их под свое крыло, пообещав всяческую помощь и прощение грехов. Кроме того, посланные им люди, понимавшие толк в морском деле, начали создавать пиратский флот и обучать пиратов совместным действиям. Видимо, часть этого флота и перехватила нефы под командованием Робера де Сабле.

– Приготовиться к бою! – зычно прокричал адмирал, и тут же его команду повторили сначала комит, приложив к губам свой свисток, а затем подал голос сигнальщик флагманского нефа, сидевший в «вороньем гнезде» на верхушке одной из мачт.

У сигнальщика, вперёдсмотрящего, было много разнообразных команд, которые он подавал зычным голосом большого рога.

По палубе нефа забегали матросы-галиоты, получая у одного из помощников комита оружие, арбалетчики заняли места у бойниц, метатели «греческого огня» разожгли уголья в специальных закрытых жаровнях и вытащили из трюма сундуки, где хранились обложенные ватой горшки с зажигательной смесью, а вокруг Робера де Сабле и Танкреда завертелись оруженосцы, облачая рыцарей в доспехи, что было нелегкой, а главное, сильно растянутой во времени задачей.

Поэтому оба ограничились минимумом воинского облачения. Они предпочли стеганные жюпо-дармеры, надеваемые под кольчугу, легкие, но прочные хауберки[42 - Хауберк – кольчуга с кольчужными капюшоном и рукавицами; дополнялся кольчужными чулками.] до колен, которые имели право носить только посвященные в рыцари, оплечья-эспальеры и широкие боевые пояса из металлических пластин, прикрывающие живот. По обычаю того времени у рыцаря было два ножа: один висел у пояса, а второй находился в специальных ножнах на голени. Остальное оружие – копья и массивные булавы – держали

оруженосцы.

Над кораблями сарацин реяли зеленые мусульманские вымпелы с изображением личного тотема Салах ад-Дина – черного орла. Пока пираты были разрозненными, флаги у них были самые разнообразные. Некоторые даже цепляли к мачте отрезанную голову, – чтобы убоялись те, на кого они нападали. Но теперь пираты выступали от имени султана Египта.

– Выстоим? – спросил немного дрогнувшим голосом Танкред, сжимая в руках полоторный меч-бастард; он был опытным воином и понимал, что шансы у них мизерные.

Робер де Сабле, отдав последние приказания, попробовал, как выходит из ножен его короткий, но тяжелый норманнский меч, и беззаботно ответил:

– Нет. Их слишком много. – И тут же, широко улыбнувшись, философски продолжил: – Но обязаны. Жизнь полна неожиданностей, и часто очевидные вещи на поверку оказываются не такими, как можно предположить. Откровенно говоря, у меня уже давно руки чешутся поработать мечом. Да все никак не выходило. Служба чересчур спокойная – не то, что на суше. Море расслабляет. А тут такая отличная оказия!

Король Сицилии криво осклабился – дабы показать адмиралу, что и он не празднует труса, а сам подумал: «Как же, оказия... Не поддайся я дурацкому порыву отправиться в путешествие с тобой за компанию на этой неуклюжей лохани, сидел бы сейчас в Венеции, чесал между ног, слушал сентенции дожа Орио Мастопьетро, пил охлажденное льдом вино и дожидался в тени цветущего сада, пока не починят мою галеру».

Сарацины ударили сразу и со всех сторон. Казалось, что происходит обычная облавная охота на медведей, в качестве которых выступали нефы, а псами, окружившими больших зверюг, были быстрые, юркие посудины пиратов. Лишь за одним неприятным для франков исключением – псы не только лаяли, но еще и больно кусались. Тучи арабских стрел густо исчертили утреннее небо, чтобы упасть дождем на палубы кораблей Робера де Сабле.

Появились первые раненые и убитые; большей частью среди матросов-галиотов, у которых в качестве защиты были круглые сарацинские щиты из толстой кожи,

способные закрыть лишь какую-то одну часть тела, а не всего воина, как у тех же арбалетчиков или копьеносцев. Эти имели прямоугольные норманнские щиты с заостренным нижним концом – большие, удобные в обращении и не мешающие работе с оружием.

Тем временем, как назло, ветер начал стихать, и комит в отчаянии схватился за голову – паруса нефа стали похожими на белье, вывешенное для просушки. Корабли почти остановились, что было очень удобно для гребных пиратских посудин. Сарацины, немного постреляв, решили долго дело не затягивать – путь, по которому шли нефы, был весьма оживленным, и никто не мог дать гарантий, что на горизонте не появятся боевые корабли крестоносцев.

К-б-тан – капитан флагманской гураби, предводитель морских разбойников, вознес молитву Аллаху и рядом со знаменем Салах ад-Дина появился красный флаг. Это означало, что пора идти в атаку и что в плен франков брать не будут. Сарацины радостно завопили, да так, что даже распугали крупную стаю вездесущих чаек, и весла пиратских посудин вспенили воду.

– Пора! – сказал Робер де Сабле. – Метателей – к бою! – приказал он комиту.

Тот снова витиевато засвистел, и звучный голос рога с «вороньего гнезда» флагманского нефа перекрыл звуки сражения. Если до этого были задействованы только стрелки франков, и болты их арбалетов редко пролетали мимо цели, то теперь в сарацин полетели горшки с «греческим огнем». Попадая на палубы пиратских судов, они разбивались, горячая смесь растекалась по доскам, и не было никакой возможности потушить зеленовато-голубое пламя, которое горело даже под водой.

Впрочем, не всегда этот прием срабатывал. Маленькие караби ухитрялись избегать злой участи. В них вообще было трудно попасть. Поэтому метатели огня сосредоточили свои усилия на главных противниках – целили по гураби и шейти. Вскоре пять или шесть суден запылали, и сарацины посыпались в воду как горох. Но остальные упрямо продолжали движение, и Робер де Сабле приказал метателям оставить их нелегкое занятие и взяться за обычное оружие. Опытный флотоводец учел, что вблизи пиратские суда, пораженные горшками с «греческим огнем», будут представлять большую опасность. В особенности, если пылающая гураби вцепится в борт нефа, как клещ, и пираты пойдут от безысходности на abordаж.

Борта нефа дрогнули, раздался треск – так «причалили» к нему суденышки пиратов. Полетели веревки с острыми абордажными крючьями и арканы, с которыми сарацины управлялись весьма ловко. Один аркан из конского волоса змеей мелькнул перед лицом адмирала, и тот с виду меланхолично отмахнулся от него мечом. На палубу упала черная петля.

«Лихо!», – не без зависти подумал Танкред, дрожа от боевого возбуждения. Он уже забыл про свои страхи и готов был сражаться до последнего. Для рыцаря, которого готовили к воинским подвигам едва не с пеленок, предстоящее сражение было сродни кубку хмельного вина. Кровь даже не бежала в жилах, а бурлила, как горная река, и тяжелый меч в руках казался птичьим перышком.

Воющая толпа полуголых сарацин потной волной хлынула на палубу нефа, и началась дикая свалка. Воины франков сражались храбро и искусно, но их было слишком мало. Что касается матросов-галиотов, то они брали в основном отчаянием – красный флаг, вывешенный пиратским капитаном, не оставлял им никаких надежд. Сарацины дрались как безумные. С саблей в одной руке и с кинжалом в другой, пренебрегая защитой, – у них не было даже маленьких щитов, они бросались на франков с таким остервенением, что у многих дрогнули сердца. Только не у Робера де Сабле и Танкреда.

Они врुбились в толпу пиратов с такой свирепостью, что сарацины даже опешили. Казалось, на поле вышли косари, потому что каждый удар меча срезал одного, а то и двух пиратов с такой легкостью, словно они были стеблями чертополоха. По бокам и сзади рыцарей защищали оруженосцы, тоже неслабые воины, и этот железный разящий кулак шел по палубе нефа, оставляя после себя многочисленные мертвые тела и ручьи крови.

Увидев, как сражаются господа, приободрились и галиоты, не говоря уже о копьеносцах и арбалетчиках. Стрелки снова взялись за свое дело, и арбалетные болты опять полетели в сторону сарацин. Враги находились так близко, что арбалетчикам почти не приходилось целиться; даже болт, выпущенный наобум, находил смуглое тело, не защищенное доспехом.

Вскоре атака сарацин на флагманский неф захлебнулась. Их фанатическое неистовство мгновенно сменилось диким ужасом, и они начали прыгать за борт, потому что безжалостные мечи рыцарей прорубали среди них одну просеку за другой. Последнего пирата ловко снял арбалетчик, когда тот уже считал себя спасенным – перелез через фальшборт и намеревался прыгнуть не в море, а в

свою караби. Болт прошел его насквозь, и сарацин, с удивлением посмотрев на выросший из своей груди железный стержень, отправился к своему Аллаху, даже не крикнув от боли.

Робер де Сабле поднял личину шлема с прорезью для глаз и осмотрелся. К его удивлению, нефы пока держались. Он понял, почему – к воинам и галиотам присоединились пилигримы; многие из них хорошо умели обращаться с оружием, и хотя в Святую землю не положено было брать мечи и копья, но ножи были у всех. Без ножа ведь не пообедаешь. Поэтому паломники, которым тоже угрожала верная смерть, сражались храбро (настолько это было возможно с их оружием), а когда кто-нибудь из них подбирал саблю поверженного врага, то сразу становился полноценным воином – в те времена редко кто не умел постоять за себя.

Неожиданно в настрое сарацин что-то изменилось. Раздались тревожные возгласы, затем прозвучал всеобщий вопль, в котором смешалось все – и ярость, и жажда сражения, и горечь от несбывшихся надежд на богатую добычу. К-б-тан пиратов высоким голосом не прокричал, а провыл сигнал к общему отступлению. Палубы нефов мгновенно очистились, – пираты умели быстро переходить от атаки к отступлению, – и посудины сарацин начали разбегаться по морской глади от судов франков, словно волны от брошенного в воду камня.

Но пираты опоздали. Виной всему был не столько их азарт хищника, терзавшего жертву, сколько дымы горящих судов. Они-то и скрыли от глаз сарацин флот под бордовым знаменем с золотым крылатым львом святого Марка-евангелиста, который поставил лапу на закрытую книгу. Это означало, что венецианские галеры вышли в боевой поход. Адмирал венецианского флота, похоже, сориентировался в обстановке очень быстро, и большие галеры образовали своим строем невод, куда угодила почти вся сарацинская мелюзга.

Венецианские воины расстреливали перепуганных сарацин из больших мощных луков, и когда дело дошло до abordaja, сражаться оказалось некому – многие пираты были мертвы, а остальные, шепча: «На все воля Аллаха...», с присущим восточным народам стоицизмом сдались на милость судьбы. С пиратами во все времена разговор был короткий – петлю на шею и на мачту или за борт.

Адмиральская галера венецианцев вплотную приблизилась к нефу Робера де Сабле. Танкред смотрел и глазам своим не верил: на капитанском мостике широко улыбался его добрый друг, дож Венеции Орио Мastroпьетро, о котором

он совсем недавно подумал. Это было невероятно! Дожу сбросили веревочную лестницу, он ловко забрался на борт нефа и сказал так, будто только что сидел в компании двух рыцарей:

– А не испить ли нам доброго вина, друзья мои?

– Ты как раз вовремя, – ответил удивленный до полного изумления Танкред. – Мы собирались завтракать, но нам слегка помешали.

– Что ж, я с удовольствием позавтракаю в такой отличной компании! – Дож рассмеялся и они обнялись. – Вижу, тебя куда нельзя отпускать без охраны, – сказал он Танкреду. – Вечно ты куда-нибудь встрянешь. Хорошо, у меня зоркий впередсмотрящий – заметил дымы. Иначе вы могли бы оказаться в обществе Харона[43 - Харон - в греческой мифологии перевозчик душ умерших через подземную реку Стикс на границе царства Аида.]. А это скупой старик, доложу я вам, у него и сухарем не разживешься.

Все облегченно рассмеялись, и рыцари принялись разоблачаться. Пока оруженосцы снимали с них доспехи, галиоты сноровисто отмывали палубу от крови и выбрасывали трупы сарацин в море. Что касается попавших в плен пиратов, то их не стали резать, как баранов, а просто предложили прогуляться «по морю, аки посуху». Так что завтрак рыцарей прошел в жалобных стенаниях сарацин, которые плавали вокруг венецианских галер и молили поднять их на борт. Вода быстро остудила их фанатизм, и многим захотелось еще немного пожить.

Тем не менее это «звуковое сопровождение» никак не сказалось на аппетите ни гостей Робера де Сабле, ни его самого. Он мысленно поблагодарил Господа за свое чудесное спасение и дал обет служить ему еще более преданно и верно, чем прежде. И в этот момент на него словно снизошло просветление – Робер де Сабле твердо решил оставить службу у Ричарда Плантагенета и вступить в один из рыцарских монашеских орденов, чтобы стать воином Христа.

Глава 4

Фидаины

Даи аль-кирбаль Хусейн почтительно склонился перед ас-Синаном. Шейх аль-Джабаль посетил лагерь-крепость, где обучались фидаины, совершенно неожиданно. Хусейн, возглавлявший подготовку будущих наемных убийц и смертников почти десять лет, еще не помнил такого случая, чтобы сам Владыка Владык удостоил своим вниманием тайную крепость низаритов, затерянную в горном массиве, куда не добраться даже джиннам. Хусейн в растерянности думал, в какой из комнат, где жили наставники фидаев, поселить шейха, потому что все помещения отличались аскетизмом и довольно убогой обстановкой. А уж сарайчики, в которых ютились неопиты, и вовсе не были приспособлены для нормальной жизни – будущий фидаин должен стоически терпеть любые неудобства и трудности.

Хусейн достойно прошел по всем ступеням иерархической лестницы исмаилитов, за что и был приближен к самому шейху аль-Джабалу – от простого фидаина до даи аль-кирбаля. Поэтому он знал, что ас-Синан предпочитает не тощий тюфяк на полу, как основатель ордена Хасан ибн Саббах, отличавшийся аскетизмом, а мягкую удобную постель, сладкое охлажденное вино и добрую еду. Что, впрочем, никак не сказывалось на жесткости его характера; в этом отношении Старец Горы мало чем отличался от своих предшественников.

– Меня интересуют твои новые воспитанники Хасан и Абу, – безо всякого предисловия заявил шейх.

Отношения между шейхом и даи аль-кирбалем были доверительными – хотя бы потому, что состояли в родственной связи. Впрочем, об этом оба не распространялись, но то, что Хусейн остался жив после всех своих тайных операций, уже казалось чем-то нереальным. Это было практически невыносимо: каждый фидаин считал большой честью отдать жизнь за шейха и умирал с радостью, даже под пытками. Тем не менее Хусейн сумел выбраться из очень опасных передраг, стал даи аль-кирбалем и возглавил школу подготовки наемных убийц ордена. Можно сказать, что он был на своем месте: Хусейн отличался великолепной физической подготовкой, знал много языков и в совершенстве владел искусством перевоплощения. Он мог буквально на глазах мгновенно превратиться из статного мужчины в дряхлого старца и так искусно играть эту роль, что никто не был в состоянии заметить обман. Возможно, этому способствовало искусство «отводить глаза», которое Хусейн позаимствовал у бродячих факиров, когда скитался по Магрибу, добывая разные полезные сведения для Старца Горы.

– Очень достойные юноши, – осторожно ответил Хусейн.

Несмотря на родственные узы, даи аль-кирбаль ни на миг не забывал, что при необходимости ас-Синан может отправить его к райским гуриям, не задумываясь.

– Я не об этом! – нетерпеливо сказал Старец Горы. – Как они осваивают то, чему их учат?

– Выше всяких похвал! Особенно хорошо эти двое стреляют из лука и работают ножами. В этом деле Хасан и Абу – лучшие из тех, кого я обучал последние пять-шесть лет!

Ас-Синан насторожился:

– Они, кажется, сироты? – спросил он, сверля темное лицо Хусейна своим огненным взглядом фанатика.

– Да, это так, повелитель... – Хусейн не понял, куда гнет шейх, и немного встревожился.

– Тогда откуда у них такая сноровка в обращении с оружием? Ведь у кочующих племен, – а эти юноши как раз и принадлежат к кочевникам, – владеть оружием обычно учат отцы. Однако, насколько мне известно, – по крайней мере, так было сказано, когда их принимали в орден, – они утратили своих родителей в раннем возрасте.

– Не могу знать, повелитель, – честно признался Хусейн. – Но действительно, с оружием они работают выше всяких похвал.

– А как все остальное?

– Здесь дела обстоят несколько хуже, но они очень упорные. Временами кажется, что эти юноши никогда не спят и не отдыхают, все учат, учат, тренируются... Что касается физической подготовки, то Абу неважно лазает по стенам и скалам, а Хасан плохо маскируется в песках.

– Это как раз неудивительно, – проворчал шейх аль-Джабаль. – Первый – житель пустыни, а второй вырос в горах, и только потом его племя откочевало на равнину. Но не в пески.

Он немного успокоился. Старец Горы был очень подозрительным и любой будущий фидаин, попадая в лагерь Хусейна, долго и тщательно проверялся – как на личную преданность шейху, так и на возможность того, что его подослали с целью убить самого аль-Джабаля (такие случаи уже были). Ведь как известно, палка – о двух концах: кто повсюду сеет смерть, должен быть готов собирать урожай, что когда-то и она придет за ним.

Вся проблема заключалась в том, что у ас-Синана не сложились отношения с Мохаммедом II (сыном Хасана II, преемника основателя ордена), персидским Старцем Горы, который занимал крепость Аламут. Хасан II, прозванный Ненавистным, дошел до того, что назвал себя богом, и его суждения по любому вопросу были непререкаемы. В свое время ас-Синан признал учение Кийямы[44 - Кийяма (ма'ад) – вера в воскресение, Судный день и потусторонний мир.], провозглашенное Хасаном II, и получил от него задание распространить это вероучение в Сирии. В конце концов, Хасан Ненавистный был убит своим шурином Намваром, и в Аламуте стал править Мохаммед.

После прибытия в Сирию ас-Синан провел праздник Кийямы во время священного месяца Рамадан. Он считал Хасана II законным духовным учителем, но, с другой стороны, не хотел подчиняться его сыну и наследнику. Поэтому сирийские хашишины пользовались независимостью от Аламута. Такое положение казалось Мохаммеду неприемлемым, и он не раз напоминал об этом ас-Синану в своих велеречивых посланиях, составленных с изяществом рубаи[45 - Рубаи – четверостишие; форма лирической поэзии, широко распространенная на Ближнем и Среднем Востоке. В письменном виде рубаи существуют с IX–X вв. По содержанию – лирика с философскими размышлениями.].

Мохаммед посвятил себя не только заказным убийствам, но еще литературе и наукам. Он пользовался славой величайшего поэта и философа; правда, слава эта во многом покоилась на кончиках ножей хашишинов. Однажды старый имам Рази, выдающийся мыслитель, отказался признать, что члены ордена – лучшие теологи. Тогда Мохаммед II передал ученому, что оставляет ему выбор между быстрой смертью при помощи кинжала и ежегодной пенсией в несколько тысяч золотых монет. И выступления имама тут же потеряли былую остроту.

Позже его как-то спросили, почему он так резко изменил свое мнение об хашишинах. «Потому что, – ответил старик, беспокойно поглядывая на толпу, в которой мог прятаться убийца, – их аргументы слишком остры и бьют точно в цель!».

Поначалу ас-Синан решил первым делом доказать, что и он является воплощением божественного начала, в пику Мохаммеду, который решил не идти по стопам беспутного отца. Никто никогда не видел, как сирийский Старец Горы ест, пьет, спит или даже сплевывает. От восхода до заката солнца он стоял на вершине скалы, одетый во власяницу, читая проповеди о собственной власти и могуществе толпам разгоряченных фанатиков.

Но Мохаммед лишь посмеивался. Тогда разъяренный ас-Синан, которому донесли некоторые нелестные высказывания Мохаммеда в его адрес, оставил это глупое позерство и послал конкуренту, как это водилось у низаритов, «подарок» в лице двух фидаинов. Но их перехватил сын персидского шейха аль-Джабалья хитроумный Джалалудин. Конечно же, наемные убийцы и под пытками не признались, кто их послал (таков был наказ ас-Синана), но Мохаммед сразу понял, откуда дует ветер. И теперь Рашид ад-Дин ас-Синан аль-Басри не без оснований опасался, что соперник ответил ему соответствующим «приветом».

Что касается Джалалудина, то он не зажился на свете, – защита у него была куда хуже, нежели у Мохаммеда. Правда, все было сделано так, будто это несчастный случай – ас-Синану не хотелось доводить правителя Аламута до бешенства...

– Я хочу посмотреть, как занимаются фидаины, – сказал Старец Горы и легко поднял с табурета свое сухое тело.

Он уже не мог, как прежде, подолгу отдавать дань физическим упражнениям. Но постоянные мысли о том, что угрозы для ордена только множатся, не давали покоя ни днем, ни ночью, и шейх аль-Джабаль от этого не просто худел, а таял, как восковая свеча. К тому же он совсем потерял голову, размышляя над тем, кто станет новым главой ордена, когда Аллах призовет его в свои чертоги, – наследников у шейха не было.

– Слушаюсь и повинуюсь, о великий! – поклонился Хусейн и подошел к стене, закрытой изрядно потертым старым ковром.

Они находились на втором этаже приземистого здания, сложенного из дикого камня, в своего рода «кабинете» даи аль-кирбаля – не сильно просторном помещении, которое служило еще и спальней. В нем стояли низенький диванчик, стол и несколько табуретов (дань привычке: Хусейн некоторое время жил среди франков, маскируясь слугой), а также кувшин и медный таз для омовений.

Хусейн откинул ковер, и в стене обнаружилась дверь потайного хода. Он отомкнул ее и жестом пригласил шейха следовать впереди. Но ас-Синан, отличавшийся подозрительностью, приказал ему идти первым, и они начали спускаться по крутой каменной лестнице на первый этаж, где находились учебные помещения и жилые комнаты. Благодаря этой двери и потаенному коридору с отверстиями в стене даи аль-кирбаль мог в любое время проверять и наставников фидаинов, и их учеников, не привлекая к себе внимания.

Коридор был очень узким, в нем нельзя было разминуться, но ни шейх, ни Хасан не отличались дородностью, поэтому продвигались без задержек, быстро и тихо.

Ас-Синан остановился возле первого отверстия. Через него хорошо просматривалась алхимическая лаборатория, где фидаинов обучали составлять и применять различные яды. Помещение хорошо проветривалось, но все равно чувствовался неприятный резкий запах, и шейх поморщился. «Что поделаешь, – подумал он не без сожаления, – иногда приходится прибегать не к эффективным убийствам при помощи кинжала, когда сразу всем становится понятно, по чьей указке это сделано, но и к ядам, действующим тихо и в то же время неотвратимо. Все равно те люди, кому направлялось это «послание», и без напоминания хорошо понимали, откуда пришла беда...»

В следующем помещении фидаинов обучали языку франков. Способных к чужеземным языкам (и вообще к обучению грамоте) было немного, поэтому они ценились очень высоко и их использовали только в чрезвычайных обстоятельствах, когда других способов выполнить приговор шейха аль-Джабаля не оставалось.

Глядя на недавних дехкан и ремесленников, прилежно зубривших чужой язык, ас-Синан невольно вспомнил сложную операцию, которую провел Хасан ибн Саббах и которая на долгие годы стала для фидаинов образцом. Это было так называемое «отсроченное возмездие».

Хашишины долго и безрезультатно охотились за одним из самых могущественных европейских князей. Охрана вельможи была настолько тщательной и скрупулезной, что все попытки приблизиться к жертве неизменно терпели неудачу. Во избежание отравления или иных коварных восточных ухищрений, ни один смертный не мог не только подойти к князю, но и приблизиться ко всему, чего могла коснуться его рука. Пища, которую принимал князь, предварительно опробовалась специальным человеком. День и ночь возле него находились вооруженные телохранители. Даже за большие деньги хашишинам не удавалось подкупить кого-либо из охраны.

Тогда Хасан ибн Саббах предпринял нечто иное. Зная, что европейский вельможа слыл ярим католиком, Старец Горы отправил в Европу двух молодых людей, которые по его приказу обратились в христианскую веру, благо распространенная среди исмаилитов практика «такыйя» позволяла им совершить обряд крещения для достижения священной цели. В глазах всех окружающих они стали «истинными католиками», яро соблюдавшими все католические посты.

В течение двух лет юноши каждый день посещали местный католический собор и, стоя на коленях, проводили долгие часы в молитвах. Ведя строго канонический образ жизни, молодые люди, регулярно отпускали собору щедрые пожертвования, а их дом был круглые сутки открыт для любого страждущего. Хашишины понимали, что единственную узкую брешь в охране вельможи можно найти лишь во время воскресного посещения им местного собора. Убедив окружающих в своей христианской добродетели, новообращенные католики стали чем-то само собой разумеющимся, неотъемлемой частью собора. Охрана перестала обращать на них должное внимание, чем незамедлительно и воспользовались убийцы.

Во время очередного воскресного служения одному из скрытых фидаинов удалось приблизиться к вельможе и неожиданно нанести несколько ударов кинжалом. Охрана среагировала быстро, а нанесенные хашишином удары пришлись в руку и плечо, не причинив князю серьезных ранений. Однако второй фидаин, находившийся в противоположном конце зала, воспользовался суматохой и вызванной первым покушением всеобщей паникой, подбежал к жертве и нанес смертельный удар отравленным кинжалом прямо в сердце...

В третьем помещении, более просторном, нежели первые два, фидаины учились убивать голыми руками. Они осваивали боевой стиль, который назывался

джанна. Хашишин должен двигаться как тень и быть похожим на ядовитую змею, готовую ужалить врага в тот момент, когда он меньше всего этого ждет. Новобранцев учили соединять свои атаки в единую цепь, не давая противнику ни малейшего шанса ответить на удар. Кроме того, будущие фидаины зазубривали специальные магические заклятия, ослабляющие волю жертвы.

Глядя на смуглые мускулистые тела юношей, шейх невольно вздохнул: «О, Аллах, как быстро бегут годы!» Казалось, еще совсем недавно он мог стоять на руках сколь угодно долго, карабкаться на крепостные стены, как белка, и сражаться с одним кинжалом против двух-трех противников, вооруженных саблями. А теперь небольшая прогулка по ущелью уже вызывает одышку. Тогда его сон был похож на смерть, настолько крепко он спал, а нынче ночь иногда превращается в пытку, потому что в голову лезут разные ненужные мысли и даже мягкий диван кажется утыканным гвоздями.

подавив очередной ностальгический вздох – у Хусейна чуткие уши, – Старец Горы пошел дальше. Теперь он озабоченно морщил лоб. В лагере всегда не хватало наставников, и он знал, что Хусейн обязательно начнет жаловаться по этому поводу. Но где найдешь настоящих мастеров своего дела? Их искали везде – в Египте, Магрибе, Персии и даже в землях франков.

Конечно, добровольно пойти в услужение к шейху аль-Джабалю мало кто изъявлял желание. Но это была небольшая беда. Часто так случалось, что какой-нибудь известный алхимик или знаменитый мастер боя на ножах ложился вечером в свою постель раньше времени по причине легкого недомогания, а утром просыпался уже в Масйафе; Старца Горы не сильно беспокоила нравственная сторона подобных проделок.

Однако нужно отдать должное ас-Синану – никого из мастеров не убили после окончания оговоренного срока его службы хашишинам. Им очень щедро платили золотом, всячески ублажали и спустя два-три года отвозили к семьям, наказав держать язык за зубами. За долгие годы почему-то ни один из них так и не рассказал, где и как ему угораздило надолго пропасть. Но видимо, какие-то слухи все же ползли, потому что другие мастера работали на Старца Горы охотно и с полной отдачей, не опасаясь за свою жизнь.

Но где же Авар и Хасан? В этот день у них были тренировки по лазанию. Наставник, выходец из горного племени, приказал им добраться до вершины практически отвесной скалы, не пользуясь никакими приспособлениями. А они

были: разные веревки, когти, крючки... Но кто потащит с собой кучу железок, когда дойдет до дела? Поэтому фидайны обучались лазать только с помощью рук и ног. Их так хорошо учили, что несчастных случаев практически не было. Мастер-наставник знал, насколько ценна жизнь каждого хашишина, и боялся потерять свою в случае смерти ученика, – даи аль-кирбаль был беспощаден к тем, кто относился к своим обязанностям спустя рукава.

– Плотнее, плотнее прижимайся к скале! – советовал Хасан бедняге Авару, которому казалось, что еще немного – и он сорвется вниз. – Держись! – Ему оставалось лишь советовать, потому что помочь товарищу он не мог, так как и сам находился почти в таком же состоянии – тесно прильнув к шершавым камням, полз, как улитка, к уже близкой вершине.

Скалолазание давалось Авару гораздо труднее других дисциплин, вместе взятых. Все остальное благодаря Азермехру он мог исполнять играючи. Мало того, Авару еще приходилось и притворяться, дабы не вызвать у даи аль-кирбаля никаких подозрений в том, что он уже проходил подобное обучение, но в другом месте.

Конечно, в лагере фидайнов кроме скалолазания и преодоления крепостных стен были и другие предметы, незнакомые сыну пустыни. Например, прыжки в воду с большой высоты. Или плавание в бурной горной речке. А еще ему сложно было подолгу находиться под водой, дыша через камышинку; в первое время вода пугала Авара. Просто задерживать дыхание при нырянии он мог вполне свободно; этому Азермехр обучил его прежде всего. И хотя наставник тренировал своего воспитанника для проникновения в кяризы[46 - Кяриз – подземное гидротехническое сооружение на Востоке и в Средней Азии, совмещающее водопровод и систему орошения. Представляет собой подземный канал (глиняную горизонтальную штольню), соединяющий место потребления с водоносным слоем.], где часто бывает мало воздуха, но юноша, освоившись в непривычной обстановке, все равно сидел под водой дольше всех. Казалось, что у него на какое-то время выросли жабры.

Фидайны прыгали в высоту и длину, да так, что и кошка могла позавидовать, тренировали прыжки с шестом через пропасть, учились спрыгивать с высоких стен на камни, ходили по тонкому бревну сначала над рвом, а потом и над глубоким провалом, когда оступить было смерти подобно. А еще они часами висели, зацепившись за ветку или скальный уступ, словно обезьяны. Притом постепенно отпуская один палец за другим, чтобы в конечном итоге держаться

только на одном. Это умение было неременным условием для скалолазания безо всяких приспособлений.

Вот и сейчас Авар едва успел ухватиться двумя пальцами за крохотный, почти невидимый глазу выступ, и теперь его ноги, потеряв опору, болтались над пропастью.

– Постарайся слиться со скалой! – подсказывал Хасан. – Ты и камень – одно целое! Я же тебе учил!

– Иди ты!.. – огрызнулся Авар, невероятным усилием извернулся и наконец зацепился за камни обеими руками.

Дальше дело пошло легче. От злости на самого себя он начал карабкаться так быстро, что у Хасана глаза полезли на лоб. Оказавшись наверху, Авар встал на самый краешек скального уступа и раскинул руки, словно собирался взлететь под небеса, словно орел, и громко закричал:

– О-эй! Э-ге-гей!

– Уф!.. – рядом появился и Хасан. – Что вопишь, как сумасшедший?

– Радуюсь.

Хасан хмыкнул:

– Есть чему... Еще немного – и от тебя осталась бы верблюжья лепешка. Не любишь ты камни. И они к тебе относятся так же.

– Как можно любить камни?!

– Очень просто. Представь, что они живые. Пошепчи им несколько ласковых слов, чтобы приняли тебя за своего, погладь нежно и можешь не сомневаться: помощь они всегда окажут. Ты видишь, что перед тобой голая скала, ни единой трещинки, а махнул рукой – и сразу попал на каменный выступ. Откуда он взялся? Неизвестно. Прежде на том месте ничего не было... Поверь, это правда.

Авар неопределенно пожал плечами, и они начали спускаться вниз, что оказалось опасней и труднее, нежели восхождение.

Хасан по-прежнему был для него загадкой. Авар наблюдал за приятелем гораздо пристальней, чем наставники фидаинов, в том числе и даи аль-кирбаль. Ведь они и спали вместе, в одной тесной клетушке. Теперь его судьба была связана с судьбой Хасана крепкими, неразрывными нитями, – по указанию самого ас-Синана им предстояло работать в паре. Об этом юноши узнали от даи аль-кирбаля, который подчеркнул, что это большая честь – получить благословение самого шейха.

Почему аль-Джабаль выделил их из всей толпы и объединил в одно звено (а будущих фидаев в лагере насчитывалось чуть больше трех сотен), Авар не знал. Его и Хасана обучали лучшие мастера и преподаватели. Для изучения языка, веры и обычаев франков люди Старца Горы умыкнули из самой Венеции весьма известного теолога, святого отца Фульвио Руджеро, а философа Давида Динанского «позаимствовали» на время у семьи, когда он решил посетить Святую землю.

Авар ни в коей мере не сомневался, что Хасан, в отличие от него, правоверный мусульманин. Его напарник ни на миг не задерживался с намазом и относился к молитвам очень серьезно – исполнял все предписания Корана с завидным усердием. (На некоторые вольности по части веры в лагере смотрели сквозь пальцы; особенно отличались этим будущие выпускники наставника Хусейна, которые смотрели на новичков, бьющих поклоны, свысока. Создавалось впечатление, будто они знают нечто такое, о чем молодежь пока не имеет понятия.)

С другой стороны, Хасан уж точно не был фанатиком, готовым беспрекословно отдать свою жизнь за шейха аль-Джабаля, как остальные воспитанники Хусейна. Было в нем нечто потаенное, глубоко упрятанное, о чем Авар не решался спросить, хотя был его близким товарищем, можно даже сказать, другом. Авару почему-то казалось, что после такого вопроса дни его жизни будут сочтены. Хасан обладал свойством рогатой гадюки – трудно понять, когда и по какой причине она нанесет свой смертельный укус, чтобы тут же спрятаться, мгновенно зарывшись в песок. От укуса этой гадины были бессильны даже противоядия Азермехра, а уж он-то знал толк в ядах и различных целебных растениях.

Но в остальном Хасан был великолепным товарищем. Ему можно было довериться почти во всем, и Авар не сомневался, что в любой ситуации Хасан, ни мало не колеблясь, подставит ему свое плечо.

Была в их отношениях и еще одна тонкость. Хасан тоже не доверял полностью Авару. В принципе, это понятно – их так учили. Доверять, верить можно только шейху аль-Джабалю. Это – закон для фидаинов. Лишь он был для учеников даи аль-кирбаля одним-единственным непререкаемым авторитетом, практически живым богом. Остальные – наставники и даже муллы – находились всего ступенькой или двумя выше фидаинов. И подчинялись им лишь потому, что так сказал шейх.

Обоюдное недоверие юношей, конечно же, происходило от великолепной физической подготовки каждого. Как они ни скрывали свою натренированность, притом как раз в тех дисциплинах, которые им преподавали, все равно, если хорошо присмотреться, обман таял, словно утренний туман. Но если наставники не сильно углублялись в такие материи и лишь радовались успехам молодых фидаев, то юноши мрачнели и старались спрятаться поглубже в свою скорлупу. Обоих мучил вопрос: «А что тебя, дружище, привело в фидаины?»

Только в крепости-лагере Авар понял, как сильно емугодились совместные поездки с Азермехром в город, на базар. Теперь его наблюдательности можно было позавидовать. Пока шли занятия, он мысленно занес в тайники своей памяти всех будущих фидаинов, обучавшихся у Хусейна. Любой из них мгновенно представал перед его внутренним взором, и Авар мог описать его во всех подробностях, в том числе и свойства характера. Мало того, он запоминал, под какой личиной будет скрываться каждый из трехсот фидаев-новобранцев.

Кроме того, что каждый из них должен был владеть какой-то профессией (вплоть до знахарей, которые высоко ценились в народе, и гадалщиков), их учили притворяться, надевать на себя личину другого человека. Но если с профессиями особых проблем не существовало, то играть, как профессиональные актеры, никто не умел.

Воспитанникам Хусейна часто приходилось разыгрывать целые бытовые сценки, и наставники строго и придирчиво разбирали каждый промах «актера» поневоле.

Жили будущие фидаины не в общих спальнях помещениях, а в отдельных каморках по двое и по трое, и практически не встречались, чтобы побеседовать по душам или предаться юношеским забавам – ведь они были молоды и испытывали тягу к общению. Практически все ученики даи аль-кирбаля были разбиты на звенья по несколько человек; видимо, их готовили к конкретному заданию. Но никто из будущих фидаинов понятия не имел, куда их пошлют и что им придется делать.

Все грамотные усиленно учили язык франков. Авар предположил, что им придется иметь дело с крестоносцами. А когда люди аль-Джабаля умыкнули католического священника и заставили его преподавать некоторым избранным (в том числе и Авару с Хасаном) основы христианского вероучения, юноша уже не сомневался, что встреча с защитниками Гроба Господнего, как называли себя франки, неизбежна.

Оказалось, что Хасан, как и Авар, смыслит в языке франков. Можно было живот надорвать от смеха, слушая, как он перевирает франкские слова, тем более что Хасан иногда забывался и начинал говорить совершенно чисто. Хорошо, учитель-франк не принадлежал к низаритам и не прошел выучку в лагере Хусейна. Иначе он точно заподозрил бы подлог и доложил рафику-десятнику или одному из трех даи, помощников Хусейна, которых с полным на то основанием можно было назвать сотниками.

Почему Хасан выдает себя не за того, кто он на самом деле? Этот вопрос мучил Авара днем и ночью. Ответ мог быть только один: его товарищ – соглядатай, как и он сам. Но кто его послал? Авар из рассказов Азермехра знал, что у султана Салах ад-Дина есть верные люди, которые разведывают для него обстановку в городах, а также в стане крестоносцев. Но это были в основном простые феллахи или дехкане[47 - Феллах – фермер или крестьянин в странах Ближнего Востока. На арабском языке слово буквально означает «пахарь» или «землепашец». Дехкан – буквально: землевладелец. В VII–XII веках дехкане – землевладельцы-феодалы из старинной иранской знати, владевшие землей на правах мультка; иногда дехканами называли и крестьян – собственников земли.], водоносы, ремесленники, купцы, которых никто не учил тому, что знает тот же Хасан.

Авару иногда казалось, что Хасану вообще неизвестно, что такое страх. Но однажды после долгих тренировок на реакцию наставник-даи повел юношей в дальний конец крепости, который фидаинам запрещалось посещать. Там

находилась глубокая и просторная яма. Заглянув в нее, Хасан побледнел как полотно.

Даи pokrивился (это у него обозначало улыбку), заметив испуг ученика и спросил у Авара:

– Змей ловил?

– Нет. Убивать приходилось. И даже есть, когда в племени был голод.

– Ну а сейчас ты должен поймать их всех и сложить в этот садок. – Он бросил к ногам Авара небольшую корзину из лозы, которая закрывалась крышкой. – И помни: от твоей реакции зависит твоя жизнь. Как брать змею голыми руками, я вас учил.

Авар подошел к яме и почувствовал, как к горлу подступил жесткий ком – ни проглотить, ни выплюнуть. Яма наполнилась змеями – кобрами, рогатыми гадюками, эфами... Похоже, его и Хасана посылают почти на верную смерть. Юноша невольно прикоснулся к рукоятке кинжала.

– Не убивать! – грозно предупредил даи, заметив жест воспитанника. – Только ловить. И ничего более. – С этими словами он всучил юноше так называемую «змеиную» флейту индийского факира – небольшую высушенную тыкву-резонатор с трубочкой, в которой были вырезаны отверстия.

– Слушаюсь и повинуюсь, – ответил Авар. – Наблюдай за мной, – тихо шепнул он Хасану. Собравшись, поставил корзину на голову, мягко спрыгнул в яму и застыл как изваяние.

Он так умудрился выбрать место, что потревожил лишь одну королевскую кобру. Собственно говоря, на нее он и имел виды. Кобру как самую опасную тварь нужно было изловить и посадить в корзину в первую очередь.

Змея была огромной. Она подняла голову почти до уровня пояса юноши и раздула свой капюшон. Авар знал, что, пытаясь отпугнуть человека, змея часто делает «холостые» укусы, вообще не впрыскивая яд. Ведь он необходим кобре, прежде всего, для охоты, и случайные или ненужные потери яда нежелательны.

Однако сейчас был не тот случай.

В природе кобра обычно охотилась на других змей, но здесь ее держали взаперти и кормили крысами, на которых не нужно было расходовать яд, – они сами лезли ей в глотку, поэтому ядовитые железы рептилии были переполнены. И она просто обязана была использовать его, хотя бы частично. Судя по раздраженному виду кобры, она собиралась поохотиться на тех змей, что были в яме, но выбрать объект для охоты было затруднительно, потому что там собрались самые крупные представители своего вида и сдаваться на милость королевы не собирались. Видимо, перед тем как к яме подошли люди, там происходило сражение, и в связи с этим все змеи были сильно возбуждены.

Авару было известно, как обходиться со змеями. Он не боялся их, всего лишь опасался и всегда обходил стороной или уступал дорогу. Не так много было в пустыне живности, чтобы убивать ради развлечения.

Ему часто приходилось спать прямо на бархане, и он обязательно окружал свое ложе арканом, сплетенным из конского волоса. Юноша знал, что змея не в состоянии преодолеть эту преграду – из-за колючих жестких волосков. А еще ему было известно, что флейта факира – это просто обман зрителей, к которому прибегают заклинатели змей, чтобы плата за представление была полновесной и никогда не иссякала. Даи об этом или не знал, или сознательно утаивал, чтобы посмотреть, как воспитанники преодолевают страх. Что они умрут от укуса змеи, даи не боялся – алхимики шейха аль-Джабаля давно нашли противоядие, благодаря которому укушенный излечивался очень быстро.

Кобра уже готова была прыгнуть, но Авар нанес резкий точный удар флейтой по голове гадины. Он бил в наиболее болезненную точку, которую указал ему Азермехр. Даи, проводивший занятия со змеями, учил фидаев лишь молниеносной хватке, чтобы змея оказалась в руках прежде, чем укусит. Он показал, где и как брать, и что потом делать дальше. Но Авар знал, что в пустыне змея – это еще и живой кусок мяса. Ее можно было поджарить на костре и съесть; правда, мясо, напоминающее курятину, все же имело специфический вкус и запах. Но когда человек голоден, ему не до таких тонкостей.

Авар бил и бил, разъяренная кобра по-прежнему пыталась укусить его, но в конце концов боль превозмогла инстинкт убийства и тварь бросилась бежать, хотя куда сбежишь из ямы? Змеи зашипели, но сразиться с королевой не решились, а постарались освободить ей дорогу. Авар схватил рептилию за хвост,

ловко зашвырнул ее в корзину и закрыл крышку. Наверное, сам даи поразился такому повороту событий, потому что юноша услышал его тихий удивленный возглас.

Остальных змей Авар собрал в корзину без особого труда. Огромное напряжение, которое он испытал во время поединка коброй, обострило его реакции, и движения юноши были быстрее, чем броски рептилий. Одной рукой, в которой Авар держал флейту, он отвлекал внимание змеи, а второй хватал ее за хвост, если гадина убегала, или за шею, когда она не хотела сдаваться.

– Молодец! – ухмыльнулся даи, когда Авар вылез из ямы.

Похвала в устах этого угрюмого немногословного человека, выходца из далекого Хинда, многого стоила. Авар вежливо поклонился и отошел в сторону. Наступил черед Хасана. По расширенным зрачкам приятеля Авар понял, что тот так и не сумел подавить огромное волнение и страх, хотя и не подавал виду. Это было плохо, очень плохо. С таким настроением лезть в яму со змеями (даи вернул их обратно, высыпав из корзины, ни мало не беспокоясь, что они от падения еще больше разъярятся) смерти подобно. Авару очень не хотелось терять Хасана. Он знал, что обычно фидаинов излечивают от укусов змей, но бывали и смертельные случаи. Все зависело от того, в какую часть тела укусила рептилия.

Мысленно помолившись, Хасан уже хотел спрыгнуть в яму, как неожиданно прибежал посыльный из фидаинов-новичков.

– Вас зовет даи аль-кирбаль! Срочно! – обращаясь к юношам, выпалил он одним духом, перед этим должным образом поприветствовав даи; и поспешил добавить: – Да хранит его Аллах...

Авар и Хасан переглянулись. У первого в глазах мутной волной плескалась тревога: похоже, обучение закончилось и им предстоит выполнить какое-то задание, которое, конечно же, вряд ли будет легким. А второй смотрел с радостью и огромным облегчением – он избежал общения с омерзительными скользкими гадами. Страх перед рептилиями мучил с детства, и Хасан ничего не мог с собой поделаться.

– Ступайте, – сказал даи. – Вам пора.

Его темные глаза, обращенные на юношей, были неподвижны, а взгляд бесстрастен. Для даи они были не более чем глиной, из которой он худо-бедно вылепил горшок. А обжигать его в раскаленной печи придется другим.

Глава 5

Пророческое видение

Морав вел Ярилку (вернее, уже Вилка) в самую что ни есть глухомань. Вскоре исчезла даже узкая тропинка и пошли места не знакомые для юноши. С каждым шагом лес становился настоящими дебрями, но Морав каким-то чудом ухитрялся идти, почти не снижая скорости – будто по дороге. Он ориентировался в этой чащобе, как хозяйка возле очага, которая, не глядя, может сказать, где стоит щербатая плочка, где лежит нож, а где точильный камень.

Наконец местность немного посветлела и пошли дубы – как возле святилища Мокоши. А лесные великаны не любят разную поросль у себя под кроной и изводят ее под корень, устилая землю листьями и желудями.

Неожиданно в ярке неподалеку что-то зашумело, и на тропу, которая вновь появилась, выскочил огромный... волчище! Такого крупного зверя Ярилке еще не приходилось встречать. А он немало поохотился с дедом на серых разбойников. Следом за первым волком – видимо, вожаком стаи – на тропу вышли еще три зверя поменьше, но тоже устрашающего вида. Мальчик храбро схватился за нож, готовый жизнь положить, но спасти волхва, однако тот одобрительно улыбнулся и коротко сказал:

– Не бойся. Они ручные.

Волки подбежали к Мораву и начали ластиться, словно обычные домашние псы. Они напрочь проигнорировали присутствие Вилка, будто его и не было. Но мальчик совершенно не обиделся на хищников за такое невнимание к своей персоне. Скорее наоборот: он хотел стать совсем маленьким и незаметным, как тот гриб, что рос возле пня.

Оказав внимание каждому волку, потрепав по холке и погладив по голове, Морав что-то невнятно сказал, словно зарычал, и звери мигом исчезли в яру, на дне которого неумолчно журчал ручей. Посмотрев на Вилка, который готов был выхватить нож в любой момент, но не подавал виду, что испугался, Морав одобрительно кивнул и начал подниматься вверх по склону, шагая быстро и размашисто. Видимо, цель их путешествия находилась совсем близко.

Так оно и оказалось. Это было святилище Рода. Удивительно, но где точно оно находится, не знали в поселении даже старейшины, не говоря уже о простом народе. Да что старейшины! Сам вождь Рогволд понятия не имел, в какой стороне существует заветное место. Возможно, кто-то и пытался сюда добраться без соизволения Морава, да только стражи святилища, волки, поворачивали храбреца (или глупца) на другой путь, но не в Ирий – рай, а в гости к Нави – в обитель подземного мира. Сюда ходили только волхвы для уединения и молитв.

Святилище Рода оказалось похожим на святилище Мокоши только тем, что в плане было почти круглым и более просторным. Оно находилось на возвышенности над лесным озером и напоминало крепость, с той лишь разницей, что защищать ее было некому, если не считать Морава. Возможно, святилище должно было стать последним убежищем племени в лихую годину. Опасаясь предательства, – и такое случалось! – волхвы берегли тайну как зеницу ока. А охотников, которые все же иногда натыкались на их скрытые тропы, отпугивали конские черепа, насаженные на столбы. Пренебречь подобным предостережением – значило навлечь на себя гнев богов и скорую смерть.

С трех сторон святилище окружали каменистые обрывы, а с четвертой был выкопан глубокий ров и обустроена прочная изгородь из окоренных осиновых бревен, поставленных стоймя. Они изрядно потемнели от времени, но выглядели вполне крепко, а когда Вилк подошел вплотную, то не заметил на бревнах ни единого следа древооточца. Мало того, до половины они были вымазаны варом, что употребляют при конопачении лодок.

Осину считали магическим деревом, но чтобы строить из нее заборы, такого Ярилко не помнил. Всем было известно, для чего нужна осина; наилучший способ борьбы с оборотнями, вампирами или ожившими мертвецами, это осиновый кол.

Конечно же, посреди святилища стоял очень высокий родовой столб – капь. Только он был несколько иным, чем тот, что принадлежал Мокоши. Раньше это

был дуб, который рос, доставая верхушкой до небес. Но прошли столетия, и старость иссушила его корни и ствол, искусные резчики срезали концы узловатых ветвей и изобразили на стволе патриарха строгий и мрачный лик Рода, который из-за веток получился рогатым. При этом десяток волхвов читали молитвы без остановки, сменяя друг друга, почти месяц.

У подножья Рода лежал плоский камень-требник, на который возлагали обрядовую утварь, жертвоприношения и освященные обереги. По рассказам волхва Вадана, что был дружен с Воцатой и нередко навещал его, требный камень любого святилища представлял собой частичку божественного Алатырь-камня, от которого откололись те кусочки, что русы собирали в море и на песчаных отмелях и затем продавали заезжим купцам за большие деньги.

Вадан рассказывал, что сам Алатырь-камень лежит в сердцевине мира, на острове Руян[48 - Руян – сказочный остров Буян; наделен чудесной силой, на нем хранятся волшебные вещи, а также священный Алатырь-камень. Кто сумеет найти этот камень – у того все желания исполняются. В качестве реального прототипа Руяна называют остров Рюген, на котором располагалось святилище славян Аркона, где почитался бог Световит.], где сходятся боги для решения судеб человечества. Камень этот – пуп земной. Всякое святилище, где возлежит требный камень, обращается в остров богов. Вадан говорил, будто Алатырь-камень обозначает яйцо, в котором зачался Род. А еще он поведал, что на том камне, как на наковальне, Сварог[49 - Сварог – бог-кузнец, сын Рода.] выковал небесный свод.

Волхв рассказывал, а Воцата лишь посмеивался, но не перечил. Все эти сказки, конечно же, предназначались Ярилке, который слушал, разинув рот. И думал с недоумением: как же сам Вадан проходит по этому мостку? Ведь он часто и на широкую дорогу не может попасть, все шатается от ворот до ворот. Все племя знало, что Вадан большой любитель крепкого пива, но относились к его слабости с пониманием и прощали ему все пьяные выходки. Может, потому, что Вадан был искуснейшим знахарем, лучшим среди остальных волхвов, за исключением Морава. Но того, когда срочно нужно, нельзя было сыскать днем с огнем. А Вадан всегда находился на подхвате. Дальше селения он никуда не ходил.

Вилк вошел в ворота святилища с большим душевным трепетом. Он не понимал, зачем волхв решил взять его с собой. А ну как положит на требный камень и полоснет ножом по горлу, чтобы кровью отрока умилостивись мрачного Рода, который смотрел на Ярилку такими страшными глазами, что у парня поджилки

затряслись, и он едва не заскулил, как побитый щенок?

Морав понял его состояние и ободряюще приобнял за плечи.

– А это звонцы, – сказал волхв, указывая на несколько кусков железа, подвешенных к рогатине неподалеку от капи. – Предназначение у них важное. Своим перезвоном они оповещают все три мира – небесный, земной и подземный, а прежде всех наших родовичей, о начале торжественного моления. Звон сей очищает место от всякой скверны, и нежить бежит отсюда прочь. Сам звонец означает громы небесные, которые зазвучали впервые, когда зарождался свет белый.

Чувствуя на плече тяжелую, но ласковую длань волхва, Ярилко немного успокоился. Вместе с Моравом он принес жертву Роду, бросив несколько хлебных зерен и вылив немного молока в краду – жертвенное кострище. Похоже, оно никогда не угасало, а почему – непонятно. Ведь Морав давно не кормил краду дровами или древесным углем (да и дровяных запасов Вилк не видел поблизости), а костер все равно горел ровным пламенем, и дым его пах очень как-то странно и непривычно.

– Костер этот священный, – нравоучительно сказал Морав, – есть явление огненного бога Семаргла. Если пламя в нем никогда не гаснет и горит ярко, то и вера наша хороша и истинна.

Внутри изгороди грозный волхв неожиданно превратился в добродушного, даже доброго мужа, убеленного сединами, и стал похожим на деда Воштату, только немного моложе годами. Видимо, место поклонения Роду преисполнилось силой бога и стало для Морава защитой от всякой нечисти; здесь ему не нужно было напрягать все свои колдовские силы, чтобы уберечь тело и душу от скверны.

Как и в святилище Мокоши, здесь тоже стояла хижина, – скорее изба, новая и просторная. Ярилко-Вилк не заметил на ней ни одной паутины, зато под крышей из гонта устроили гнездо пчелы и деловито жужжали, запасаясь на зиму душистым лесным медом. Жилище Морава тоже было украшено резьбой. Но большие оконца давали много света, и когда волхв предложил парню зайти в избу, Вилк не очень напрягал зрение, чтобы рассмотреть ее убранство.

Везде – на стенах, на полках, под потолком – сушились целебные травы. От этого воздух в жилище Морава был напоен терпковатыми ароматами полыни, медуницы, душицы, мяты, рогоза, которым был устлан пол, и запахом хорошо настоянной медовой бражки; уж его-то Вилк не мог спутать ни с каким другим. Дед Воцата был большим любителем этого крепкого напитка. Почему-то он не очень привечал пиво, поэтому всегда держал запас отменного хмельного питья, изготовление которого длилось долго. Зато волхв Вадан был в восхищении от бражки и частенько заживал к Воцате, как он говорил, с благородной целью «изгнать разную нечисть, что по углам таится».

Касательно нечисти трудно было сказать, ушла она из избы или нет, но то, что после каждого визита забубенного волхва деду приходилось квасить новую порцию бражки, это Ярилко-Вилк знал хорошо. Вадан не успокаивался, пока хоть один кувшин был полон.

– Здесь ты будешь жить, – непререкаемым тоном сказал волхв.

– Почему?! – дрожащим голосом воскликнул юноша.

Мысль, что он больше никогда не увидит родного деда, испугала его едва не до потери сознания. Нет, он не оставит Воцату!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Дэвы – в персидской мифологии – злые духи.

2

Ахриман – в персидской мифологии – верховное божество зла.

3

Сафар – август; первый день сафара соответствует 12 августа.

4

Хашишины (хашишийи, ассасины) – буквально: «употребляющие гашиш», «травоеды», намек на их характерную бледность из-за аскетического образа жизни, – получившие широкую известность в Средние века исмаилиты-низариты (шиитская ветвь ислама). Отличались строгой дисциплиной и совершением многочисленных религиозно и политически мотивированных убийств. Слово «ассасин» вошло во многие европейские языки и понимается как наемный убийца. Кроме ассасинов на Востоке существовали и другие организации, которые также не гнушались убивать из-за угла.

5

Ахурамазда, Ахура Мазда – верховное божество зороастрийского и ахеменидского пантеонов, жрец, творящий мир усилием или посредством мысли.

6

Франками арабы называли всех европейцев.

7

Анка-и-Мугриб – в древних восточных мифах сказочная птица, обитающая на чудесной горе Каф, у подножья Древа Весны. У разных народов она известна также под именами Симург, Зумруд, Зумруд-и-Анка, Тугрул, Хума, Девлет-Кушу и др., а в легендах Запада – как птица Феникс.

8

Фидаи (федави, фидаины) – рядовые наемные убийцы, исполнители смертных приговоров Старца Горы. Спустя какое-то время фидаин становился ласиком (примкнувшим), который мог подняться до следующего звания – рафика (буквально: товарища). Затем следовало более высокое звание – даи (учитель). Через даи передавалась воля даи аль-кирбаля, который подчинялся только скрытому от посторонних глаз даи ад-дуату – шейху аль-Джабалу. Члены двух низших категорий обязаны были слепо подчиняться высшим иерархам. Рафик уже был младшим «офицером». Члены трех высших категорий – даи, даи аль-кирбаль и даи ад-дуат – представляли собой правящую аристократию и даже имели право не соблюдать законы шариата.

9

Хурджин (хурджун) – переметная сума, которую перекидывали через седло верхового животного или через плечо пешехода.

10

Магриб – название, данное средневековыми арабскими географами и историками странам, расположенным к западу от Египта; сохранилось в арабском языке и поныне. До сих пор на арабском языке так называется Марокко.

11

Дувал – широкая глинобитная стена вокруг поселения. Ксар – тип укрепленного поселения, состоящего из пристроенных друг к другу (часто на склоне горы) домов, так что снаружи ксар выглядит как крепость, окруженная стеной.

12

Джафар – начальник (араб.).

13

Хинд (Синд) – Индия (араб.).

14

Намаз – в исламе обязательная ежедневная пятикратная молитва.

15

Низариты – ответвление исмаилитской ветви шиитского ислама. Выделились из среды воинствующих исмаилитов в конце XI века. Низариты считали, что имамом является старший сын фатимидского халифа аль-Мустансира – Абу Мансур Низар.

16

Фарс – так арабы называли Персию. Миср – Египет (араб.).

17

Шам – Сирия (араб.).

18

Салах ад-Дин, Юсуф ибн Айюб Салах ад-Дин (1138-1193) – султан Египта и Сирии, талантливый полководец, мусульманский лидер XII века. Основатель династии Айюбидов, которая в период своего расцвета правила Египтом, Сирией, Ираком, Хиджазом и Йеменом. В Европе известен как Саладин, хотя это не имя. Салах ад-Дин – это «лакаб», почетное прозвище, означающее «благочестие веры». Собственное имя этого правителя – Юсуф ибн Айюб (Юсуф, сын Айюба).

19

Раймунд II (ок. 1115–1152) – граф Триполи в 1137–1152 гг. Стал первой христианской жертвой ассасинов. Раймунд и двое из его рыцарей были убиты прямо в воротах Триполи.

20

Берсерк – воин, посвятивший себя богу Одину. Перед битвой берсерк приводил себя в боевой транс. В сражении отличался неистовостью, большой силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли. Берсерки не признавали щитов и доспехов, сражаясь в одних рубахах или обнаженными по пояс, иногда надевали медвежьи шкуры.

21

Гридень (гридин) – телохранитель у древнерусских князей, член младшей княжьей дружины.

22

Венды (венеты, венеды) – собирательное наименование группы западных славянских племен.

23

Алатырь-камень – янтарь.

24

Мара – у славян богиня, властительница смерти.

25

Перун – бог-громовержец в славянской мифологии, покровитель князя и дружины в древнерусском языческом пантеоне. После распространения христианства на Руси многие элементы образа Перуна были перенесены на образ Ильи Пророка (Ильи Громовника).

26

Купала (Купало) – предполагаемый мифологический персонаж у восточных славян, персонификация праздника летнего солнцестояния – Ивана Купалы. Имя Купала произошло от названия праздника. Купало причисляли к знатнейшим богам. Он почитался третьим после Перуна и вторым после Велеса.

27

Ярило – у славян ежегодно умирающий и воскресающий бог плодородия. Яриле подчиняются дикие животные, духи природы и низшие божества. Зимой Ярило превращается в Мороз и уничтожает то, что родил весной.

28

Мокошь (Макошь) – божество в славянской мифологии, покровительница женского начала, плодородия, брака, родов, домашнего очага. В ее ведении находилось прядение.

29

Науза – ладанка, оберег, талисман. Наузы состояли из различных привязок, надеваемых на шею. Большой частью это были травы, корни и иные снадобья (уголь, соль, сера, засушенное крыло летучей мыши, змеиная голова и проч.), которым суеверие приписывало целебную силу от той или другой болезни, а также защиту от злых сил.

30

Вилк – волк (старослав.).

31

Род – у славян прародитель богов и творец мира.

32

Неф – торговое и военно-транспортное парусное судно X–XVI вв.

33

Галера венецианская – парусно-гребной военный корабль с одним рядом весел и двумя-тремя мачтами с треугольными и прямыми парусами. Экипаж, включая воинов, составлял до 450 человек.

34

Король-консорт – в признании статуса супруга королевы ее мужу может быть дан формальный титул принц, принц-консорт (принц-супруг) или король-консорт (король-супруг).

35

Сюзерен – в Западной Европе в Средние века – верховный сеньор территории (король, герцог, князь), являвшийся государем по отношению к зависимым от него вассалам.

36

Марка – весовая счетная единица в Западной Европе; на славянских языках называлась гривной. Первоначально она составила $\frac{2}{3}$ каролингского фунта, и отсюда идет деление марки на 8 унций, или эре, как называли ее в Скандинавии. Впоследствии вес марки в разных странах был различен.

37

Обол – в XII веке самая мелкая монета Франции, изготовлялась из меди.

38

Фьеф – то же, что и феоде; ленное поместье. В Средние века так назывались участки земли, владельцы которых пользовались в своих пределах большой самостоятельностью и имели верховные права по отношению к населению. Взамен этого они считались по отношению к собственнику этого участка вассалами, платили ему дань, обязаны были помогать в войне и проч.

39

Гураби – парусно-гребные галеры длиной до 45 м и водоизмещением до 250 тонн. Экипаж состоял из 200–300 человек, включая 120–180 гребцов. На веслах гураби развивала скорость всего 13–14 км/час.

40

Шейти – парусно-гребное судно, имело длинный узкий корпус, косой треугольный парус и 80 весел. Основное назначение шейти – быть на посылках, что не мешало им принимать участие в боевых действиях в составе флота.

41

Караби – большая парусная лодка с 16–20 гребцами и несколькими лучниками.

42

Хауберк – кольчуга с кольчужными капюшоном и рукавицами; дополнялся кольчужными чулками.

43

Харон – в греческой мифологии перевозчик душ умерших через подземную реку Стикс на границе царства Аида.

44

Кийяма (ма'ад) – вера в воскресение, Судный день и потусторонний мир.

45

Рубаи – четверостишие; форма лирической поэзии, широко распространенная на Ближнем и Среднем Востоке. В письменном виде рубаи существуют с IX–X вв. По содержанию – лирика с философскими размышлениями.

46

Кяриз – подземное гидротехническое сооружение на Востоке и в Средней Азии, совмещающее водопровод и систему орошения. Представляет собой подземный канал (глиняную горизонтальную штольню), соединяющий место потребления с водоносным слоем.

47

Феллах – фермер или крестьянин в странах Ближнего Востока. На арабском языке слово буквально означает «пахарь» или «землепашец». Дехкан – буквально: землевладелец. В VII–XII веках дехкане – землевладельцы-феодалы из старинной иранской знати, владевшие землей на правах мультка; иногда дехканами называли и крестьян – собственников земли.

48

Руян – сказочный остров Буян; наделен чудесной силой, на нем хранятся волшебные вещи, а также священный Алатырь-камень. Кто сумеет найти этот камень – у того все желания исполняются. В качестве реального прототипа Руяна называют остров Рюген, на котором располагалось святилище славян Аркона, где почитался бог Световит.

49

Сварог – бог-кузнец, сын Рода.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gladkiy_vitaliy/assasiny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)